

Фёдор ШИЛОВ

ДЕФЕКТ ВСЕМОГУЩЕСТВА

Пусть земля им будет... дачей!

ЛЮБИМЫЙ ДЕТЕКТИВ

Фёдор Михайлович Шилов

Дефект всемогущества

Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73897307
ISBN 978-5-4484-5954-2

Аннотация

В сборник петербургского писателя Фёдора Шилова вошли три его детективные повести. В первой из них – «Дефект всемогущества» – всё началось с ерунды: отец Георгия Оладьева, Иван, думал, что с лёгкостью – за бутылку – выкупит приглянувшийся ему соседний земельный участок, но пьяница-хозяйка обманула. Такого он, конечно, стерпеть не смог и во всей красе продемонстрировал окружающим своё всемогущество, впрочем, оказавшееся с дефектом... Во второй – «Убийца моей мечты» – убийство музыканта Сергея Ивлева не расследуется, поскольку было расценено следствием как самоубийство на фоне мук творчества. Жена погибшего просит друга семьи помочь изучить обстоятельства дела, но тот отвлекается на случайную знакомую, ошибочно набравшую его телефонный номер... А в третьей – «Скажи мне, кто твой друг, и я... его убью!» – забавная игра со смертью в попытке угадать, в каком порядке каждый из семерых друзей покинет этот мир, превращается в кошмар, ведь

никто из них не ожидал, что развязка спора наступит не через несколько десятилетий, а буквально на днях...

Содержание

Дефект всемогущества	6
Пролог	6
Записи из тетрадей деревенского шпиона.	14
Глава 1	
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	80
Глава 9	92
Глава 10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Фёдор Шилов

Дефект всемогущества

*Серия «Любимый детектив» была удостоена Премии
МВД РФ в 2018 году.*

© Шилов Ф. М., 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

* * *

Дефект всемогущества

Все события и персонажи вымышлены, названия населённых пунктов и торговые марки, а также названия лекарственных средств, встречающиеся на страницах повести, придуманы автором, совпадения случайны.

Пролог

Георгий, 2020 год

Всегда находится кто-то, кто за тобой наблюдает. Всегда. Даже если кажется, что дом твой находится на краю света, а жизнь скучна, пресна и неприметна. Все в этом мире так или иначе однажды становятся объектами чьего-то пристального внимания.

В детстве об этом не знаешь и не задумываешься, в юности не обращаешь внимания, а в старости даже и рад, когда тобой вдруг снова заинтересуются. На работе, как правило, привыкаешь к коллективу, знаешь, кто и что может про тебя сказать, шепнуть, сболтнуть, смотришь на это сквозь пальцы и призму какой-то особой рабочей мудрости: мол, сплетни-

чают все и обо всех. Да и сам мало-помалу втягиваешься, выбираешь себе «жертву» для обсуждения и не считаешь это чем-то зазорным.

Но бывают такие наблюдатели, о существовании которых даже не подозреваешь, а они, оказывается, всё время рядом, шпионят, высматривают, вынюхивают и получают личное удовольствие от погружения в чужую биографию.

В моей жизни таким шпионом оказался сосед по даче. Мы не раз проезжали мимо его дома на велосипедах и частенько собирали грибы в перелеске у его забора. В доме этом по вечерам горел свет, из печной трубы в пасмурную и холодную погоду валил дым. На участке был разбит небольшой неаккуратный огородик, и в нём копошился старик, не достаивавшийся нашего внимания. Он всегда был для нас стариком, сколько бы лет ему ни было, потому что в детстве всегда так: кто старше тебя – тот и старик. А когда повзрослели, он и впрямь состарился.

Звали его тоже как-то по-стариковски и очень по-деревенски. То ли Фрол, то ли Никифор. Он приходил в автолавку – два раза в неделю в Забережье приезжала машина с продуктами. Мы, ребятня, знали его в лицо, здоровались – каждый в меру понимания вежливости, иногда помогали донести тяжёлые сумки. Я никогда не думал, что помогаю соглядатаю. Я вообще, если честно, ничего о нём не думал. Вспомните себя в подростковом возрасте. Было ли вам дело до каких-то там случайных старших? Иной раз и до близких-то не было!

Чьи-то лица видишь чаще, потому и откладываются в памяти. Кто-то, как баба Нюра, угощает яблоками или зовёт на пироги всякий раз, как испечёт. Грех не запомнить! Ей за это грядку прополешь или воды натаскаешь – всё просто, по-деревенски. Мужиков-рыболовов наперечёт назовёшь, особенно тех, у кого своя лодка и кто не отказывается взять с собой на утренний клёв или – предел мальчишеских мечтаний – даёт своё плавсредство прокатиться без взрослых! А остальных и не выучишь никогда!

Этот Фрол или Никифор в число наших мальчишеских приятелей ни по каким соображениям не входил. Дед и дед, ничем не примечательный. Мнение моё о нём изменилось после его смерти. Причём не в лучшую сторону.

Похороны состоялись без меня. Я и знать не знал, что он помер, а если б узнал, нарочно срываться из города в Забережье не стал бы. В деревню я приехал, как обычно, в середине апреля – открывать дачный сезон, готовить дом к лету: прогревать, снимать двойные рамы, мыть окна, выметать остатки крысиного яда и мышинового помёта.

Мне на днях исполнилось 28 лет, и в выходные по этому поводу планировались шашлыки с друзьями на загородном участке.

Едва я успел растопить печь после долгого зимнего перерыва, как в гости наведалься староста деревни – по прозвищу Правый (от фамилии вроде) – с большой картонной коробкой. Не иначе, подарок на прошедший праздник? Странно,

прежде он мне подарков не делал, да и дату моего рождения вряд ли знает...

– Привет, Жор, – коробку в руках держит, мнётся, что-то поздравительное, наверное, хотел сказать, да не знал, как начать. Но лицо мрачное, словно разговор должен быть неприятный. – Как ты тут?

Раньше мы с ним задушевных бесед не вели. Я не торопил, пусть сам начнёт разговор, хотя, конечно, интересно, что он принёс. С чего я взял, что коробка для меня? Может, коробка сама по себе, а мрачное лицо само по себе...

Правый какое-то время ещё поболтал со мной о том о сём. Наконец поставил коробку возле печки. На растопку хлам какой-то, что ли?

– Ты, Жор, почитай. Тебе, наверное, интересно будет...

Посмотрел на меня затравленно, отчего стало понятно: всей деревне уже было «интересно», теперь и мой черёд настал.

– Схоронили соседа... Помнишь, у леса дом? – уже в дверях Правый стал более разговорчивым. – После него осталось. Почитай, в общем...

Я подкинул полено в печь, поворошил кочергой горящие головешки – словно нарочно оттягивал миг знакомства с содержимым коробки. Жаль, не спросил: это мне навсегда или только ознакомиться?

Тянуть дальше не было смысла. Ясно, что малознакомый дед не наследство мне оставил. Наследство в коробках не

приносят, о нём официально извещают.

Поначалу мне и правда показалось, что содержимым можно печь растапливать. Тетрадки, блокноты, записки-бумажки, чеки полувыцветшие, планы участков. Зачем мне это? Но староста наверняка ознакомился подробно, и ещё бо знает сколько народу в коробку любопытный нос сунуло, так что неспроста именно мне этот хлам в итоге достался.

Я наугад выбрал тетрадь, перелистал. Довольно часто на страницах мелькали имена: Иван, Светлана, Евгений, Галина. И моё собственное – Георгий. Я стал вчитываться вдумчиво, просмотрел все прилагавшиеся материалы и понял: безумный старик шпионил за моей семьёй полтора десятка лет!

В нескольких тетрадях содержались отдельные диалоги, отрывистые эпизоды, реплики, расшифровки разговоров с аудиокассет. Да-да, и сами кассеты тоже были! И аудио, и даже видео – маленькие, для камеры.

Как это назвать? Расследование? Или многолетний непрекращающийся бред? Я читал и отказывался верить, потому что всё сказанное было выдумкой и ложью! На аудио – голоса нанятых актёров, на видео – тоже подсадные лицедеи. Даже если допустить, что этот Фрол-Никифор мог многое увидеть и услышать, в головы-то заглянуть ему не под силу! А он и о мыслях, и о душевных метаниях пишет! Значит, лжёт. Бессовестно клеветает со страниц своего дневника!

Меня поразила неприятная догадка: если коробка блуж-

дала по деревне, значит, найдутся те, кто поверил записям! Но ведь в них – ерунда! Сюжет для дрянного сериала, не более!

И всё же я пошёл по домам. Накидывать платок на чужой роток. Неблагодарное, надо сказать, дело. И бесполезное. С одними я выпивал, говорил по душам, пытался рассказывать свою версию событий, которые искажил чёртов сказочник! Люди подливали мне водки, сочувственно кивали и клялись, что верят отныне только моим рассказам, а не пасквилю покойника.

С другими шутил, нарочито высмеивая самые горькие отрывки дневников. Говорил что-то вроде:

– Бред же! Ну бред! Живот надорвёшь!

И они со мною вместе рвали животы, в голос смеялись, восклицали:

– Ну даёт старик, совсем из ума выжил! Небылиц напридумывал.

Кому-то я даже угрожал, обещал начистить рожу, если станет по деревне сплетни разносить. Божились, что они – могила.

Ни те, ни другие, ни третьи, впрочем, не стеснялись того, что уже читали записки старика. А что такого-то? Деревня ж. Ничего личного тут ни у кого никогда не водилось – все друг у друга на виду. Даже странно, что никто раньше не подозревал о «сыскной деятельности» соседа.

Я уходил успокоенный: справедливость восстановлена.

Люди получили правду из первых уст, а не из сочинений полумного старикашки. А потом я узнал, что едва за мной закрывалась дверь, как соседи шептались между собой:

– Младший Оладьев приходил. Папашу своего обелить пытался. И себя заодно. А то мы семейку их не знаем! Никогда ничего доброго и хорошего на их счету не значилось! Так что усопший многое даже смягчил, пожалел, а мог бы и покрепче словцо для них подыскать!

После этого я перестал ходить к соседям. Ни рты закрывать, ни соль-спички брать. Для них теперь существует своя правда: не моя и не этого писателя доморощенного, а третья какая-то, собранная из этих двух и ещё миллионов других. Их не переубедишь, да и зачем это?

Есть среди записей старого вруна тетрадь, где все собранные сведения оформлены в повесть, довольно занимательную, если не знать, что читаешь о сильно припорошенной ложью собственной жизни. Впрочем, читатель моей жизнью не жил, правду от выдумки в этой истории не отличит, а потому пусть каждый, кому хочется, читает и делает собственные выводы. Я не стану вносить правок в рассказ Фрола-Никифора, не буду ничего пояснять и оправдываться.

Мне почему-то захотелось перепечатать этот текст в свой компьютер, вероятно, чтобы глубже осмыслить. Что если безумный старик действительно провёл масштабное расследование и всё, что он написал, – правда? Не обо мне. О себе я всё знаю и буду откровенен – многое он подглядел и угадал

верно. Может, и про других – не выдумка?

Видите, как в человеке всё непрочно – уже и во мне самом поселилась какая-то новая правда, которая потеснила прежнюю, казавшуюся неколебимой и незыблемой.

Я вернусь к вам в эпилоге. А пока что – передаю слово.

Имя автора забылось для меня, не станет известным и вам, а сочинённая им история – вот она, уже со следующей страницы.

Записи из тетрадей деревенского шпиона. Глава 1

Иван Оладьев (до знакомства с Евгением Аршиновым)

Иван человек неприятный. «Мерзкий» не скажешь. Мерзкий – это вроде как скользкий, изворотливый, утончённо-жеманный. Посмотришь и почти с первого взгляда понимаешь – человек мерзок. Иван же был коренаст, приземист, крепок, обладал уверенной физической силой. Круглое лицо его чаще выражало недовольство, редко на нём удавалось увидеть кому-нибудь улыбку, а уж от души смеяться Иван Оладьев, кажется, не умел вовсе. Редкие от природы волосы он зачёсывал назад смоченной расчёской, отчего они ложились ровными бороздками, разделёнными широкими проплешинами. К пятидесяти годам Иван облысел, и поэтому необходимость в причёсывании отпала. Пару раз он оказывался настолько беспечен, что забывал покрывать лысину, копаясь в огороде. Долго потом кожа сходила неопрятными лоскутами, а солнечные ожоги не поддавались лечению ни сметаной и кефиром, ни мазями. С тех пор он непременно надевал различные кепки и панамки, всё больше походя на дачника. Но

мы забежали вперёд...

Иван был умён, но, к сожалению, ум этот чаще всего был направлен на получение выгоды и делал из Ивана скорее рвача, чем интеллектуала. Ещё одна положительная черта, как бы парадоксально это ни звучало, играла с Иваном злую шутку: повышенная тяга к справедливости.

Рано или поздно всякий, кто ищет истину, начинает заигрываться и пытается вносить коррективы в судьбу – как в собственную, что понятно и простительно, так и в судьбы окружающих, что оправдать гораздо сложнее. Бывает и третий вариант: когда человек выправляет свою судьбу ценой чужих. Иван если поначалу и не относился к этой третьей категории, то со временем, увы, стал. Наверняка вы встречали таких людей, которые в разговоре частенько спрашивают, как бы интересуясь вашим мнением и в то же время точно зная, что ответ может быть только один:

– Нет, ну скажи мне, прав я или нет? Неужели ж не прав?

И покажется вроде, что всё сделано по справедливости, а от справедливости этой почему-то всё же волосы на голове встают дыбом. Иван же и вовсе был из тех, кто мнения чужого не спрашивал и проводил самосуды над людьми уверенно и без зазрений совести.

Первый раз Иван женился ещё студентом в 1980 году. Женился исключительно по весьма распространённому расчёту: ради прописки. Как назло, родители невесты были категорически против примака, прописывать периферийного хлы-

ща в столичную квартиру не позволили. Тут-то и раскрылся характер Ивана во всей красе. Ясное дело: по справедливости ему положена была прописка! А если у несостоявшихся тестя с тещей о супружеской справедливости какие-то иные представления, то он, Иван Оладьев, оставаться в такой семье не намерен. И ничего своего здесь не оставит!

«Своего» на момент весны 1982 года оказалось не так много. Вещи носильные, туалетные принадлежности, служебное удостоверение: учёба завершилась, началась служба в органах. На беду, успел за время семейной жизни Иван застеклить балкон. Не пожалел труда: стёкла камнями побил, рамы выломал, чтобы супруге и её несговорчивым родителям неповадно было! Разве не справедливо? Справедливо! Сам сделал – сам сломал. Коротко и ясно. Прописался бы – жили бы все, радовались совместно.

Была и ещё одна... «мелочь». Вроде как и своё, и в то же время не совсем. Супруга на момент готовности Ивана к разрыву была беременна. В июле должны были состояться роды. Иван предложил единственно возможное развитие событий и денег на аборт выдал. Отказалась. Да и ни один вменяемый врач на таком сроке без показаний беременность не прервёт! Иван твёрдо стоял на своём:

– Сказал же: ничего моего в этом доме не останется!

Крепкие руки не только камни в стёкла метать умели. Не скажу точно, был ли это первый эпизод рукоприкладства в жизни Ивана, только своего он добился: точный удар в живот

привёл к выкидышу.

Супруга от родителей истинную причину выкидыша скрыла. Ванечке любимому карьеру портить не захотела – в суд не подала. Даже наоборот, наплевав на гордость, пришла к нему на службу, умоляла вернуться. Но Иван к женским мольбам и слезам был глух. Справедливость восстановлена, а если кого-то по касательной зацепило – извинился бы, да слов таких не знал.

Подвела Ивана тяга к справедливости и в профессии. Уж больно он, следовательно, преступников не любил. Всеми силами наказать пытался – то через суд, а иной раз и самостоятельно. Не должны они одно небо с порядочными людьми видеть и дышать вольно! Потому на допросах Иван вёл себя жёстко, в невиновность подсудимых не верил, оправданий не слушал, а признания готов был вытряхивать и выколачивать в прямом смысле этих слов. Хваткий, резкий, по своему умный, он довольно долго был на хорошем счету у начальства, пока однажды во время очередного допроса с пристрастием вдруг не увлёкся настолько, что перестал владеть собой окончательно. Его охватила исключительно сила физическая и патологическая тяга к справедливости! Итог: смерть подсудимого прямо в кабинете. Молодому парню много было не надо, Иван это предвидел. Думал, одним видом сомкнутой в кулак пятерни устрасит сопляка, а когда пришлось всё-таки пустить кулак в ход, парень вдруг обмяк, сполз на пол и больше никогда не поднялся. Дело всеми

правдами и неправдами удалось замять, но из органов Ивану Оладьеву пришлось уйти.

Судьба выдала Ивану доску для сёрфинга и позволила удачно взлететь на волне бизнеса. Он жил и продолжал улаживать личные и рабочие дела с прежним пониманием справедливости. Был в меру богат, достаточно влиятелен, но сам себя считал всемогущим. Увы, всякое всемогущество может оказаться с дефектом. И спусковой крючок, дающий сигнал к разрушению всемогущества, бывает порой мелок и нелеп, а срывается всегда внезапно...

Глава 2

Евгений и Света Аршиновы (до знакомства с семьёй Оладьевых)

Евгений Аршинов был заложником той самой доброты, которая порой довольно болезненно бьёт своего узника. Той самой, что заставляет снимать с себя последнее ради ближнего. Степень близости для таких людей мало важна: собственный ли ребёнок нуждается или нищий на улице – они с одинаковым рвением стремятся помочь, осматривают карманы в поисках мелочи, обрабатывают чужие телесные раны и ссадины, часами готовы слушать о ранах душевных.

В Евгении это чувство самопожертвования было развито настолько, что порой он бросался помогать задолго до того, как об этом просили. Увы, это сильно расхолаживает и балует окружающих.

Евгений был невысок ростом, внешностью обладал среднестатистической, даже, можно сказать, невыразительной. В юности он был почти болезненно худым и бледным. Впалые щёки и фигура-жердь ничуть не напугали его избранницу – Веру, врача скорой помощи по специальности, а также талантливую кулинарку. После женитьбы Евгений набрал несколько килограммов. Когда лицо его слегка округлилось

и приобрело здоровый цвет, стало понятно, что мужчина Евгений видный и ладный.

– И как это ты, Верочка, в этакой глесте красавца рассмотрела, – судачили, бывало, подруги, а Вера только отвечала, смеясь:

– Я его не за внешность полюбила. С ним и поговорить есть о чём, и помечтать...

Веры не стало в декабре 2005 года. Пьяный водитель не справился с управлением и протаранил едущую на вызов «карету» с красным крестом.

Дочери – Светлане – месяцем раньше исполнилось двенадцать лет. Девочка горько переживала утрату матери. Евгений, овдовевший в сорок шесть лет, не помышлял о новой женитьбе и всего себя посвятил дочери.

Сложно теперь сказать, хорошо ли было позволять девочке выражать скорбь многодневными пролёживаниями в кровати, тем не менее Евгений не запрещал дочери плакать вволю, освободил от всех домашних дел, разрешал прогуливать уроки, если вдруг не было сил и настроения идти в школу.

Света всегда была несколько болезненной и вялой. Унаследовала от Евгения нездоровую худобу и бледность. Чтобы поднять низкий гемоглобин, девочке давали препараты железа, а в рацион по рекомендации врачей включили гранатовый сок и красную икру. Кислый сок Света пила с удовольствием, а от солёной икры отказывалась, и чудом было уговорить её съесть хоть небольшой бутербродик. От матери

Свете достались густые длинные волосы и пышные ресницы. Поэтому ни худоба, ни бледность никого не могли бы заставить сомневаться в том, что девочка – красавица. Мальчишки на неё засматривались с младших классов, но она ими не интересовалась, отдавая предпочтение книгам.

Света пребывала в меланхолии первый месяц после гибели матери. Увы, скорбь не унялась и через год. Правда, за это время в её голосе появились извиняющиеся нотки, девочка осознавала, что должна вести себя как-то по-другому, но ничего в поведении всё-таки не исправляла. Только оговаривалась трагическим полушёпотом, когда в очередной раз не справлялась с готовкой, стиркой или шитьём:

– Прости меня, папочка, я у тебя такая неумелая!

Евгений делал всё сам, хотя в то время работа его была сменной, чаще – ночной и заключалась в разгрузке и погрузке портовых судов.

Хорошей помощницей была двоюродная сестра Светы по матери – Галина. Разница между сёстрами составляла два с половиной года (Галя родилась в мае 1990-го, а Света в ноябре 92-го). Внешность и характеры их отличались довольно существенно. Рослая, кровь с молоком, крепко сбитая Галя ходила в волейбольную секцию, занималась плаванием, обязательно брала на летние и прочие каникулы подработку – водила экскурсии, гребла листья в ближайшем парке, ухаживала за саженцами деревьев и цветами на клумбах. Из всех проблем со здоровьем могла бы назвать только лёгкую

близорукость, но и на ту не обращала внимания: спортом заниматься врачи не запретили, а остальное – ерунда. Стрижки она предпочитала короткие, чтобы удобнее было надевать шапочку для бассейна. При высоком росте черты лица у неё были всё же несколько мелковаты. Острый нос, маленькие глазки за круглыми очками, поджатые губы и часто нахмуренные брови делали её похожей на учительницу. Впрочем, педагогика и была мечтой девочки. Очки она довольно быстро сменила на контактные линзы, но все учительские черты сохранились в её внешности и после этого.

Приезжая несколько раз в неделю поведать родственников, Галя непременно отчитывала обоих:

– Светка, чего опять киселишься? Ну-ка, ноги в руки и щи варить! А вы, дядь Жень, совсем её разбаловали! Светочка – чудо, Светочка – сокровище. Не заметите, как из двух слов сложится одно – чудо-вище!

– Галочка, она мать потеряла, будь милосердна, – заступался Евгений, а Светины глаза моментально наполнялись слезами.

– Совесть она потеряла! Вы мне эти концерты бросьте. Тётя Вера за голову бы схватилась, если бы узнала, что после её смерти Светка в такую размазню превратится!

– Я ей психотерапевта нанять хочу, – робко говорил Евгений.

– Ремня ей! – строго припечатывала Галя. – В школе небось одни двойки, дома ленится, в кого такая – ума не при-

ложу!

Мало-помалу, без помощи психотерапевтов, а под одним только чутким наблюдением Галины Светино настроение выровнялось, скорбь из всеобъемлющей стала просто глубокой. Увы, это не прибавило девушке самостоятельности, и она нет-нет да вспоминала старую присказку:

– Ох, папочка, я у тебя такая неумелая...

Но отец не сердился, ел подгоревшую картошку, носил прожжённые рубашки, сам стирал постельное бельё и мыл посуду.

В школе Света и правда звёзд с неба не хватала, уважением среди одноклассников не пользовалась. Кто-то знал, что у Светы в семье горе, кто-то уже давно упустил это из виду, но и тем и другим девица казалась странной, не от мира сего. Учителя ставили заслуженные тройки, слабенькие четвёрки. Поначалу жалели, завышали оценки, потом надоело, стали оценивать по знаниям.

– Папочка, – сказала Света, – мне очень хочется домик!

Сказала нарочно не при Галке. Сестра идею ни за что не одобрила бы: деньжищ нужна прорва, дел на деревенском участке выше крыши, и никто в семье к делам этим не приспособлен! Разумные бы доводы привела Галя, но Свете эти доводы были неинтересны.

– Мне мамочка приснилась. Сказала: отвези папу в ту деревню, где мы однажды отдыхали! Пусть дом там купит.

При всей тщательности сбора информации о двух семьях

всё-таки я затруднюсь сказать, получил ли Евгений какое-то образование, знаю только, что перебивался он долгое время случайными заработками, но крайне аккуратно тратил накопленные средства, оставшиеся после гибели жены. Денег на унаследованном счёте хватало на покупку загородной недвижимости. Не на хоромы, конечно, но и не на хибару.

– Возделаем землю, станем питаться с огорода, может, продавать что-то...

Скажем откровенно, мысли Евгения тоже были довольно наивными, но он привык потакать Свете, его дочурка ни в чём не должна была знать отказа.

Разговор этот состоялся в конце 2005 года.

Покупка дома была запланирована на ближайшее время.

Глава 3

Май 2006 года

– А что, Людка, сойдёмся ли в цене?

Соседку смежного участка Иван начал спаивать недавно.

Утром махнёт ей, как родной, через забор:

– Людмила, угоститься не желаешь? Когда к тебе заглянуть – в обед или к ужину?

Иным словом: когда ты, любезная соседка, желаешь сегодня напиться вдрызг?

Людмила отвечала по-разному: хоть и любительница была заложить за воротник, про дела не забывала. Огород у неё был ухожен, мелкий ремонт по дому – даром что одна жила, без мужика, – всегда сделан вовремя. Скотину и даже кур давно не держала, сил не было, но пока держала – берегла. Сколько б ни выпила накануне, а чуть свет уже в хлеву.

– Ты, Вань, к восьми заходи. Чекушечку принеси, и хватит.

Иван кивнёт, а сам решает: чекушки мало. Выяснил уже: от четверти у бабы язык не развязывается и сговорчивости не прибавляется. А от трёх четвертей в сон клонит. Так и стал приносить по поллитре. Поначалу дорогую водку брал, хорошую, но очень скоро перестал тратиться: Людка любую

сивуху готова употреблять. Выпьет, развезёт её, про жизнь деревенскую расскажет, слезу, бывает, пустит. Ивану и про окружающих послушать интересно – авось пригодится. А про Людмилу главное волновало – есть ли родственники? А их не было. Вот и стал Иван соседку круче прежнего осаждать. Как всегда, с судьбой о справедливости поболтал: участок у него узкий, у самой дороги, всего 20 соток, а выпивохе этой 30 соток перепало. Не многовато ли? Покупать у неё – глупость несусветная, всё равно деньги пропьёт. Так пусть за бутылку и отдаст Ивану участок. Разве не справедливо? Справедливо! Сколько захочет? Ящик? Получит ящик. Он и два поставит – пусть упьётся. Только после сделки – где-нибудь в канаве.

– А ты наливай, Ванечка, наливай, – мурлыкала соседка. Его от этого «Ванечка» передёргивало, но терпел. Дело превыше всего. Справедливость вершится: земля с землёй воссоединяется.

Закуски он приносил мало. Кусочек сала, пару солёных огурцов да полбуханки хлеба. А то и накладно выходит, и опьянение дольше не наступает. Но Людмила и без закуски справлялась. Махнёт стакан горькой – рукавом залихватски занюхает. Бывает, закашляется чуть не до рвоты, но ни разу не было, чтобы её вывернуло.

– А чего ж сам-то со мной не выпьешь никогда? Брезгуешь? – спрашивала, а сама на водку косилась, как бы и правда гость не покусился!

– Пей на здоровье, – глухо отзывался Иван и добавлял мысленно: «Сколько влезет, пей! Лишь бы подпись в нужное время в документах поставила, хоть крест какой полуграмотный». – Когда нотариуса-то звать, Людка? Или ты уже не согласна на сделку?

– Согласна я, Ванечка, согласна! – Людка вдруг стакан критически осмотрит: достаточно ли чист? Будто впервые заметит, что нечист: и гостям не предложишь, и самой бы ко рту не нести, но всё равно новую порцию водки в себя вольт. – Завтра вон и зови своего нотариуса!

– А вот завтра и позову! – Иван глаза прищуривает: не дурит ли его баба?

– Вот прям завтра и зови, Вань.

Домой Иван вернулся в приподнятом настроении. Дома ждала жена, Алевтина, на пять лет старше его самого. Ему сорок восемь, ей – пятьдесят три. Сына четырнадцатилетнего, Георгия, воспитывали. Жили не сказать чтобы совсем уж душа в душу. По части рукоприкладства Алевтина Ивану фору даст, а уж по склонности к аферам далеко и обгонит! И даже никакими сказками о справедливости свою жажду наживы покрывать не стремилась. Внешностью Алевтина обладала яркой, даже можно сказать – цыганской: чёрные глаза с длинными ресницами, тёмные распущенные вьющиеся волосы не удерживались ни под одной косынкой, тонкие черты лица, смуглая кожа. Одеваться она предпочитала пёстро: но-

сила яркие сарафаны и платья, покрывала плечи цветастыми шальями.

– Я тебе сразу сказала: старая дура долго ломаться не будет! – Алевтина поставила перед мужем тарелку с горячей молодой картошкой, подложила со сковороды котлету и выставила на стол миску с салатом из огурцов, помидоров и зелени. – Поешь и Степанычу позвони, хотя нет... Позвони нотариусу немедленно. Пусть прямо с утра приезжает, а то потом эта сука фортелей каких-нибудь навыкидывает. Давай-давай, – она отобрала у мужа вилку, – позже пожрёшь, сначала дело.

* * *

Не было ещё и 10 утра, когда на порог Людмилиного дома явился нотариус с подготовленным пакетом документов.

Выглядела хозяйка с утра плохо. Одутловатое иссиня-серое лицо, лоб в испарине, одышка – всё выдавало в ней серьёзное нездоровье. Рукой грудь растирала да постанывала, если не сказать поскуливала.

– Ох, Ванечка, это уже и вы? – спросила она, не поднимаясь с постели. Говорила тяжело, с присвистом, слова не договаривала, не продыхивала.

«Вот-вот дух испустит», – подумалось Ивану, и он махнул Степанычу: не тyani, ещё, не ровен час, окочурится, не под-писав!

– Людмила Валерьевна, вам всего-то и надо парочку автографов оставить. Справитесь?

Иван сделал нотариусу страшные глаза: не задавай лишних вопросов! Что значит – справитесь? Обязана!

– А ты, Ванечка, что ж за мошенника ко мне прислал?

– Я не мошенник, – озлобился нотариус, – документы имеются...

– Ты, видать, Люд, совсем мозги пропила, – процедил Иван.

– Видать, и пропила, а ты подливал, – не осталась в долгу Людмила, с трудом выталкивая из себя слова, – и до инфаркта меня, похоже, допоил. Сегодняшний день не переживу, плохо мне, сердце давит. А ты оставайся с этой мыслью, убийца. А дом я ещё два месяца назад продала, новые хозяева мне пожить разрешили, пока сами не въехали.

– Так зачем же ты водку мою пила?

– Вот ты, Ванечка, всю сущность свою и вывалил. Думаешь, не поняла я, зачем ты ко мне захаживал? Хотел на халяву участок получить? А я водочки попить на халяву решила! Что, съел? Думал, самый умный? А вот и поумнее тебя есть. Живи и помни, что какая-то пропойца тебя вокруг пальца обвела. А настоящий нотариус перед сделкой всегда участок проверит, – она перевела взгляд на Степаныча, – так что гони этого пройдоху прочь! Ничего не подпишу, да и силы моя подпись больше не имеет – не мой теперь дом!

Она вдруг разом сделалась бледной, охнула и потеряла со-

знание.

– Что теперь с этой старой сукой делать? – растерялся Степаныч.

– Здесь оставим. Пусть поддыхает, если ещё не сдохла.

Иван смачно сплюнул себе под ноги и едва удержался, чтобы не плюнуть и на Людмилу.

– Пошли, чего стоишь, мудака? Не мог участок проверить? Из-за тебя идиотом выставился!

Степаныч пошёл за Иваном к двери, обернулся, раздумывая: не вызвать ли скорую. Но что-то ему подсказывало: Людмила мертва.

– Теперь за этим домом должок, – прошипел Иван, – я этот участок всё равно получу. Не от этой овцы пропитой, так от нового хозяина. Оплачено уже, слышишь? – Он развернулся к горе-нотариусу, и видно было, каких усилий ему стоит не ударить Степаныча по лицу. – Это мой участок, понимаешь ты? Мой! Не уступлю! Куплено!

Глава 4

Июнь 2006 года

Евгению новый дом нравился. Заходили местные жители, стращали: бывшая хозяйка недавно померла, «в этой вон постели прям».

Евгений был в курсе. Участковый с ним побеседовал, уточнял, знал ли Аршинов, что в его доме жиличка имелась, с его ли ведома проживала? Что Людмила была любительницей выпить, участковый, разумеется, знал, что инфаркты у таких любителей не редкость – тоже. Смерть не признана криминальной. Вопросов к Евгению нет. А дом куплен, принадлежит теперь Аршиновым, чего ж не жить-то? Много ли на планете мест, где никто не умирал? А где есть такие, там и сам жить не захочешь!

Так Евгений соседям и отвечал.

К физическому труду Евгений был привычен. Туалет – дырка в полу – не смущал. Раз в неделю вывозить бак с нечистотами на компостную яму было не в тягость. Умываться из раковины на улице даже приятно. Это пока лето. А зимой что? Тоска, наверное, здесь. Делать нечего, до больницы – случись что – недалеко, развлечений никаких, разве что автолавка два раза в неделю. Продавец Лёха свою машину,

говорят, и по зиме исправно пригоняет. Случаются, бывает, поломки, но редко.

– Пока, Светик, мы с тобой дом как дачу будем использовать, на лето приезжать. Зимой в городской квартире жить продолжим! Да и школу надо в городе окончить, не переходить же в сельскую!

Но всякий раз, когда приходила пора уезжать из деревни в город, Евгений грустил, приговаривал:

– Как же... Мыши тут целый год живут, не уезжают... Коты местные останутся, собаки, соседи некоторые. Даже печка, с утра натопленная, ещё долго будет остывать, и вода из рукомойника окончательно скапает, когда мы до города доберёмся. Странно это: представлять, что печка тёплая, а греться некому... Бабочка на крыльце сядет, а ты не увидишь... Пейзаж весь тот же, только нас уже нет... Уехали...

И почему-то казалось, что вместо «уехали» хотелось ему произнести другое слово, помянуть необратимый уход, а не временный. Будто предчувствовал...

Соседи – чета Оладьевых – хорошие, добрые, приветливые. Встретили радушно и на чай с пирогами зазвали.

С первых слов подружились.

Иван с Алевтиной непьющие, а Евгению рюмочку предложили:

– Ты пей, пей, Жень, на нас не смотри.

Евгений выпить был не против, но сверх меры никогда на

грудь не принимал. Тем более в гостях. За знакомство выпил, за здоровье и третий тост, Иваном предложенный, не пропустил. А от четвёртой рюмки отказался – перебор! Иван хотел настоять, но супруга вступилась за гостя:

– Потчевать велено, неволить – грех!

Разошлись добрыми друзьями, Оладьевы пригласили к себе в баню по субботам приходить, пока Евгений свою не отстроит. На это Евгений с радостью согласился. В бане разговоры всегда ведутся искренне, от души, даже незнакомые люди легко вступают в диалог – это Евгений ещё по общественным баням заметил. Сидят все поначалу как чужие, а потом вдруг в общую беседу втянутся и прощаются уже за руку, а то и обнимаются, распаренные и раздобревшие от пива. Так что тут, в деревне, сам Бог велел к соседу в баню заглянуть, новостями обменяться под кружку кваса.

– А уж за солью, луком или хлебом друг к дружке забежать – святое дело. Все соседи испокон веку так делают, и мы – пусть городские! – поддержим традицию, – так Евгению, перед тем как разойтись, сказали.

А Георгию, кажется, уже тогда Света приглянулась. 13–14 лет... Подростки. Самое время друг на друга заглядываться. Света, увы, пареньком не заинтересовалась: полноватый, рыхлый, лицо в прыщах, а волосы в мать – жёсткие, непослушные, выются и торчат дыбом, ни вода, ни гель не возьмут.

– Пусть и ребята наши дружат, – проворковала Алевтина.

Иван промолчал, только кивнул, но будто по принуждению. Света покраснела, Георгию тоже сделалось неловко, оттого что мать почувствовала его зарождающуюся симпатию к этой несколько неуклюжей, нескладной девчонке, весь вечер от стеснения не знавшей, куда себя деть. Может быть, стоило её к себе в комнату отозвать, показать коллекцию рыболовных крючков или пивных банок, которых больше штук вдоль стены друг на друге выставлено? Но не решился, так и просидели за столом, хотя оба подростка с удовольствием от родительских посиделок отлынули бы.

– Я тебя с деревенской компанией познакомлю, – пообещал Георгий Свете на прощание.

Она сделала в ответ неопределённый жест, и Георгий ещё больше смутился, словно предложил какую-то непристойность.

* * *

Иван и Алевтина семью Аршиновых приняли радушно. Это правда. Но на этом правда и закончилась. В остальном – одно сплошное притворство и расчёт. Прежде чем новички порог их дома переступили, у Ивана с Алевтиной такой разговор состоялся:

– Я этому новому хозяину сарай сожгу! Или сразу дом!

– Сядешь, – припечатала жена. – Ты, Ваня, в шахматы играть не умеешь. Чуть что не по-твоему, тут же на бокс пе-

реходишь. А надо игру тонко вести, чтобы противник с удовольствием сам тебе поддавался.

– И что ты предлагаешь?

– Подружиться, Вань, с соседом. Повыспрашивать, что да как, узнать, кто таков, чем живёт, чем дышит. А то, может, он тебе сам первый дом спалит или морду расквасит!

– Не родился ещё тот, кто мне морду расквасит, – огрызнулся Иван.

Алевтина усмехнулась, будто хотела сказать: «Нарвёшься – и от меня схлопочешь», но сдержалась.

– Изучим, кто такие, а там и подход найдём! И своё получим без поджогов и мордобития! Люди – как гвозди, вбитые в доску. Вынимал же сам не раз гвоздодёром такие! Некоторые выходят легко, хоть голой рукой тяни, чуть не сами выскакивают, к другим иной подход нужен – раскачивание, упор, правильная постановка ног, а только потом уже – сильный рывок. Поймём, что за гвозди эти Аршиновы, потом за просто их из доски выдернем!

А после ухода Евгения и Светы Алевтина сказала:

– Тюфяк. И дочка его – тюфяцкая. Селёдки снулые. Ни постоять за себя, ни слова поперёк вставить не смогут. Таких облапошить – раз плюнуть. Ты, Вань, прикорми этого идиотика как следует. Не водкой его опаивай, с ним такое не прокатит, а стань ему другом. Услуги оказывай, подарки делай – что самому отдать не жалко. Он из того типа людей, что за корку хлеба золотыми горами отдарится. Жаль только, гор у

него нет. А участок есть. Подходи к Евгению почаще, по-соседски помощь предлагай. Кровать вон нашу старую да холодильник предложи – возьмёт! Я тоже понемногу прикармливать стану: пирожки да окрошку свою фирменную... В баню пусть к нам ходят. Скоро будут наши – по уши.

Алевтина как в воду глядела.

Пришла однажды пора Евгения отдавать долги. Приехав на дачу как-то в пятницу, он вдруг обнаружил, что сосед за неделю успел обустроить колодец и что колодец этот частично на их с дочкой территории вырыт.

Иван как раз копошился в огороде по ту сторону забора, так что Евгений, хоть и не по нутру ему такие беседы, решил разговора в долгий ящик не откладывать:

– Вань, ты колодец-то, ёлки-палки, на моей территории поставил!

Строго-настрого проинструктированный женой Иван вместо брани разразился бурными извинениями.

– Скажи ему, – научила Алевтина, – что просчитался с мерами, этот лопух поверит, но для большего давления посреди беседы про холодильник уточни: работает ли?

– Что за вопрос такой дурацкий? – удивился Иван.

– А ты сделай, как я говорю, увидишь, что будет.

Подошло время Ивану в разговоре вопрос про холодильник вернуть. Он посомневался: стоит ли? Вроде и так уже Евгений уходит засобиравшись, извинения принял, но всё равно вдогонку уточнил:

– Жень, а холодильник-то как, работает? А то отдал тебе, переживаю: вдруг совсем рухлядь, издох. А тебе потом с ним мучиться...

– Ой, Вань, спасибо тебе! Пашет, пашет твой «Мороз Иваныч». Мне бы из города холодильник не дотащить, а у Людмилы и такого не было, всё в погребе, видать, хранила. Не знаю, как бы мы со Светочкой без холодильника. Спасибо. Ты прости, зря я к тебе с этим разговором про колодец, ерунда такая, ну заступил на мою территорию, просчитался, с кем не бывает. Извини, сосед! Строй на здоровье, вы с Алевтиной столько для нас делаете!

– Ты зайди завтра, я тебе штакетника старого дам, у тебя с одной стороны забор совсем повалился, – сказал Иван, а про жену подумал: «Ведьма баба! Как этого дурака раскусила. Сказала – извиняться сам начнёт, так и вышло!»

Алевтина ему вечером уже следующий ход подсказывает:

– Колодец надо забором обнести, да не вплотную, а с заступом. А там понемножку-помаленьку – весь участок себе переманим.

Глава 5

Из наблюдений за Евгением, Светланой и Галиной, 2006–2007 годы

Свету деревенская компания приняла с трудом, несмотря на то что, казалось бы, общих тем должно быть немало. Все из мегаполиса, не сельские жители, приезжали в основном только на лето. Нет, у ребят не было серьёзных конфликтов, но Света всё равно казалась им сделанной из другого теста – деревенским развлечениям чуждой. С тарзанки робкая девочка прыгать боялась, на высоченных деревянных качелях делать «солнышко» наотрез отказывалась, на велике не гоняла, на рыбалку возмёшь – так одна морока: то комары её кусают, то червей брать противно, то рыба на ощупь склизкая. На вёсла не посадишь – грести не умеет. Пацаны пытались научить – ленится: два раза махнёт веслом и устанет, ныть начинает или на месте бестолково лодку кружит. В карты на раздевание играть стесняется, целоваться отказывается – даже если выпало в «бутылочке». Ребята и звать перестали. Сидит дома сиднем, читает.

Галка – та, наоборот, вписалась сразу. Бойкая, шумная, весёлая – самая затейница. Приедет на выходные, а шороху по деревне наведёт, будто месяц отдыхала. Впрочем, при-

езжала она редко и много времени проводила с нелюдимою сестрой и простачком дядей Женей. Наготовит им, вещи перестирает, пол и окна намочит, скатерть на столе поменяет. Будто она им мамочка-нянечка, ей-богу!

Света и Евгений были Галочке благодарны. Ещё бы! Кто ж от такой помощи откажется!

– Ты приезжай почаще, – говорил Евгений, – с тобой Светочка хоть за калитку иногда выходит! Да и готовить у тебя учиться.

– Скажете тоже, дядь Жень, «учиться»! Я и сама пока мало что умею!

– Я тоже не бог весть какой знаток местного колорита, так сказать! А один совет послушаешь, второй, третий, с соседом споро за дело возьмёшься – и глядишь, уже любая работа не такой страшной кажется. Так и ты шефство над Светочкой берёшь. В чём-то вместе, может, и ошибётесь. Но по одному ошибаться боязно, а за компанию – даже интересно. Вроде как игра в испытателей. В разумных пределах, само собой. И потом, ты девочка. Со мной она не всякие эти ваши подростковые штуки обсуждать готова. Был бы у меня пацан, я б его и без матери, может, вырастил. Хотя и парню мать нужна, что говорить. А уж что с вами, девчонками, делать – ума не приложу. Не девчонками даже, а девушками уже! А я всё «девчонки», «девчонки»... Взрослые вымахали, но Светка у меня беззащитная, ты хоть её оберегаешь.

Галине все эти разговоры были приятны: она с детства лю-

била казаться взрослее своих лет и брать ответственность не по годам. Ей частенько поручали посидеть с малышкой – у мамы много подруг, все с детьми, уже и не упомнить, сколько раз Галя оставалась в няньках. Решила даже и профессию с детьми связать: на педагога выучиться, в детский сад устроиться.

На даче в Забережье Гале бывать нравилось. Мама – сестра погибшей тёти Веры – поощряла Галочкино стремление помогать Свете и Евгению.

Нравились Галине и беседы с дядей Женей. Он казался ей мудрым, но без навязчивости. Иногда и пожурит, но необходимо. Скажет что-нибудь, бывало, незатейливое:

– Эх, девчонки, знаете, что сегодня подумал? Не всякую работу надо спешить самому выполнять. Тут, на даче, столько помощников: и дождь, и солнце, и вода вон в бочках! Выбирал – поработать или поспать? Дождь пошёл, да такой – из дома не выйти. Выспался. К вечеру – солнце, всё легко успел сделать. Хотел воду вычерпать, а она сама испарилась. У природы своя философия и помощь всегда своевременная. Что против природы, то, значит, на даче и делать пока ни к чему. Яблоки ж, пока не созреют, не собирают. Вот и прочие дела вызреть должны. Ковш на днях искал. Ну нигде нет! А пошёл поливать, бочку вычерпал – лежит, родимый, на дне. Кто только его утопил? Ничего случайного в мире нет. Представьте, если бы я пробежал в поисках ковша, время потратил, может, и до полива не добрался. Судьбу не обма-

нешь: если уж она хочет, чтобы ты что-то нашёл, так любимыми путями тебя бочку опорожнить заставит.

Так Евгений за какой-нибудь очередной деревенской работой рассказывал. Сядет, например, на лавочку с заднего входа. Возьмёт поленце, топором его тихонько на щепки разделяет. Он это называл – «щепоту́ для растопки заготовливать». Сам, кажется, это слово «щепотá» и придумал. Для полена, кстати, он тоже сочинил новое название – «дровишко».

Светка где-нибудь поодаль в гамаке с книгой обустроивалась, отцову болтовню мимо ушей пропускала. А Галка рядом с дядей Женей сидела, слушала, вникала. Нравилось ей потом обо всех этих природных помощниках и вычерпанных бочках размышлять. О случайностях и закономерностях. О судьбе и её взаимодействии с человеком. Вот все говорят – «судьба». А ведь пока человек сам ведро не возьмёт, так до подарков судьбы и не доберётся. И что же выходит? На судьбу полагаться нельзя. Но и со счетов сбрасывать тоже не стоит! Есть всё-таки какие-то высшие силы, которые человека со всеми его стремлениями и желаниями одним мизинцем размазать могут. Одним порывом ветра, одной волной. В деревне это особенно ясно видится: здесь и огонь, и вода, и гром, и молния. И люди тут разные. Хотя люди, конечно, везде разные. Дядя Женя говорит – все хорошие. Он и Светку так учит, что все хорошие. Но Галя с ним не согласна. Вот, скажем, родители, да, хорошие, от них удара под дых

не ждёшь. Пospоришь с ними, выскажешь своё мнение, они, может, даже рассердятся, но не возненавидят, что-то мягко подкорректируют, что-то резко пресекут, но останутся родными людьми, друзьями. А учителя в школе – другое дело. Скажешь что-то поперёк – так и обиду затаят, оценки занижать начнут, придираются. Или продавцы в магазине: кто-то попытается обсчитать, да восхитится потом, что Галю не проведёшь, она сумму до копейки проверит. А другие гнилушек от злости подбросят. Даже если девушка сама себе помидоров в пакет наберёт, так втихаря непременно пару томатов на давленные подменят. Дядя Женья учит и тут во всём хорошее видеть – опыт, мол.

Только Галя поправляет:

– Не хорошее, а положительное. Хорошего в этом и нет ничего, но в плюс всё равно засчитано. Всё уроки жизни: и выражение глаз можно запомнить, с каким обманули, и голос лживый, да и просто само по себе знание, что люди бывают разные, – очень важно! Не хорошие и не плохие. Разные. И поступки бывают разные: у плохих людей – благие, а у хороших – гадкие. И оценивать надо поступок, а не человека. И вообще, дядь Жень, мне кажется, что понятия «хорошо» и «плохо» – пустые какие-то. Ничем не наполненные. Когда сказать нечего, не знаешь, как оценить, вот и говоришь: хорошо или плохо. Пресные это какие-то понятия. Слова, которых как бы и нет! Как дела? Хорошо. Как тебе фильм? Хорошо. Как учёба? Плохо. Замени слово на галочку – смысл

не поменяется. Вроде как и ответ – и не ответ. А про фильм же столько всего сказать можно: если тронул, всю душу в отзыв вложишь. А если мимо сознания прошёл, так тоже нужно подумать: почему? И ответ тогда будет полным, распространённым и в том и в другом случае. А хорошо и плохо – это слова, которыми от собеседника отделяются. Без вкуса, веса, силы и заряда! Вот так!

Евгений в чём-то разделял мнения Галочки, а в чём-то был категорически не согласен, но в целом они обычно расходились после беседы довольные друг другом. Он, правда, всегда просил Галю быть со Светочкой помягче, реалистичным подходом к жизни не мешать той верить в чудеса. Галля кивала, очень по-взрослому понимая, что однажды Свете самой придётся выбрать из этих двух точек зрения. Так уж бывает: один человек уже в четырнадцать лет видит дорогу, по которой пойдёт дальше, будто она освещена всеми фонарями мира. А другой полжизни проблуждает в тумане, всё время кого-то выискивая, а порой даже теряя себя самого, но так и не найдёт нужного пути...

* * *

В дачной жизни Света сохранила свою привычную лень и неумелость, и даже, кажется, их приумножила. От любой работы она не то чтобы отлынивала, а просто была далека по причине неприспособленности и неподготовленности.

ности. С большой охотой Света гуляла по полям, собирала цветы, плела венки из одуванчиков, но ни разу не вызвалась разбить клумбу и вырастить цветы прямо на участке, предпочитая дикорастущие луговые растения домашним именно по той причине, что за ними не надо ухаживать. Когда отец выходил на покос, она, бывало, сидела неподалёку и следила, чтобы он не скосил начинавшие пробиваться ростки дубков и берёзок, не потревожил бабочку или стрекозу.

– Ты скоро запретишь мне и комаров прихлопывать, – смеялся Евгений, – а они, знаешь ли, кусаются! По твоей логике я либо должен терпеливо ждать, пока они насосутся, либо откладывать косу, бережно снимать с кожи каждого комарика, пожурить за учинённое безобразие и отпустить на волю.

К слову, сама Света предпочитала комаров не прихлопывать, а, по её собственному выражению, «поглаживать».

– Ты их не поглаживаешь, а размазываешь, – комментировала Галя и пожимала плечами. – Какая разница: быть ли перед смертью прихлопнутым или «поглаженным». Исход всё равно один.

Света не реагировала на замечания сестры, а только продолжала проявлять для неё одной понятное милосердие.

– Доченька, нельзя прожить жизнь, не затоптав ни одного цветка и не убив ни одного комарика. Ты же рвёшь луговые цветы, так почему мне нельзя на участке скосить одуванчики?

– Здесь они наши. Мне их жалко. А в поле они ничьи и становятся моими, когда я вплетаю их в косу или ставлю в вазочку.

– Ты моя маленькая фантазёрка! – Отец обнимал дочь и, конечно, всё-таки скашивал бóльшую часть растущих на участке одуванчиков, оставляя только небольшой жёлтый пятачок, чтобы доставить Светочке удовольствие. На всякий случай он не рассказывал впечатлительной дочери, что каждый раз, когда идёт по траве, в галоши сваливаются улитки и, само собой, он раздавливает их пяткой, отчего в обуви становится склизко и липко. Узнай об этом Света, она запретила бы ему косить навсегда! Если доводилось вырубать деревья, то Евгений старался заниматься этим втихаря от дочери, пока Света уходила гулять.

– Ну дядь Жень, – ругалась Галя, – вы из взрослой девчонки какую-то сентиментальную дурочку делаете! Сами же ходите, про кусты рассуждаете: мол, холил, лелеял, а он взял и зачах, а рядом смородина растёт, как падчерица, но хороша собой, будто ей самые лучшие удобрения доставались! Вот Светку давно пора перестать опекать, я не говорю – сделать из неё падчерицу, но поумнеть и повзрослеть ей точно пора! Вы ж не вечный!

– Вот после смерти моей и повзрослеет, – беспечно отмахивался Евгений.

– После смерти вашей поздно будет. Ещё и обижаться на вас начнёт, что вы её укрывали от невзгод, а мир оказался

не таким уж дружелюбным! Иногда вы и сам как маленький, честное слово!

– Зато ты взрослая чересчур. И серьёзная. Нельзя людям мешать делать глупости, Галочка, каждый должен своей ерундой перестрадать самостоятельно!

– Хоть кол на голове теши! – Галя произносила любимую мамину присказку и всплёскивала руками, а после уходила проверить тесто или перевернуть котлеты.

Иногда Галя понимала смысл выражения «промыть мозги». Прямо виделось ей, как она вынимает мозг сестры, открывает кран посильнее и вымывает оттуда всю детскость и глупость. Моет, трёт щётками, полощет в трёх водах! И дяде Жене бы не мешало прочистить!

– Мама, может быть, я многого от них хочу?

– В чужую голову ничего насильно не вложишь и ничего не вымоешь, так что отстань от людей! Просят помочь – помогай, а лезть, когда без тебя справляются, не надо. Сунешься с советами, ошибёшься – скажут: болтает невесть что. А будешь слишком часто оказываться правой – возненавидят. Люди не любят тех, кто оказывается прав, особенно если при этом были предупреждены и могли бы не совершить промаха.

Но Галя тоже ещё была подростком. Не по годам взрослым, избыточно ответственным, но всё же отнюдь не лишённым максимализма, а может быть, именно она, как никто, близко была знакома с этим вечным спутником пубертата.

– А я всё равно буду говорить! Вслух буду говорить! Молчать не стану! И однажды они меня услышат и поймут, что я была права!

Увы, чаще всего и Евгений, и Света Галю слушали, но не слышали. Так уж заведено, что приятнее всегда слушать тех, кто соглашается, а не тех, кто перечит. Но ведь задача встречного мнения – раздражать, не так ли? Если всё время только гладить, то мозг перестанет выпускать иголки, разнежится и размякнет и станет окончательно уязвимым, безвольным, аморфным. Дело даже не в ценности поступающего со стороны совета как такового, дело в его противопоставленности мнению, которое человека уже успокоило, убаюкало, усыпило его бдительность...

Гладить против шерсти – такова была особенность Галины, но порой именно такие люди и могут спасти. Если их слышат...

* * *

Июль 2008 года

Было это в июле. Стояла жара, поэтому вся ватага девчонок и мальчишек, кого родители безнадзорно отпускали на озеро, старалась не вылезать из воды. С некоторыми под-

ростками умудрялись приходиться бабушки с секундомерами: всякая минута купания сверх установленного старшими родственниками норматива была под запретом.

Свете Евгений ходить на озеро не запрещал. Он проводил для неё подробные инструктажи поведения на воде, просил быть осторожнее и отправлялся на поиски дочери, только если она перегуливала время обеда или ужина. Такое тоже случалось: при всей своей отчуждённости и нелюдимости, если уж происходило что-то интересное, Света, как всякий другой ребёнок, могла потерять счёт времени.

В год, когда произошло описываемое событие, Свете было пятнадцать лет. Она уже не настолько чуралась деревенской компании, но так и не стала для них своей. Галя тем летом приезжала реже, чем в прошлые года. Справившая в мае совершеннолетие сестра устроилась на работу, как и мечтала – няней. Маминим знакомым в очередной раз понадобилась помощница, Галина кандидатура подходила идеально. Это было её первое хорошо оплачиваемое место, и, забегая вперёд, скажу, что дальше карьера пошла в гору: через два года её порекомендуют в богатую семью, где она и останется надолго при стабильной высокой зарплате. Всё это будет позже, но пока в жизни Евгения и Светы случилось первое «самостоятельное» лето.

Свету девчонки зазвали купаться. Они шептались и хихикали всю дорогу, следуя на несколько шагов поодаль от своей приятельницы. Та не обращала внимания на шушуканье.

Подумаешь, пусть шепчутся. Какая разница – о чём! Гораздо важнее, понравится ли ей купленная книга незнакомого автора! Вот выкупается и вернётся в гамак под яблони – читать. Но окунуться надо обязательно. Духота станет мешать усваивать прочитанное, да и хотелось отдать дань уважения автору – не сидеть над его произведением, истекая потом. Считайте это чем хотите: особенностями воспитания, блажью или сиюминутным капризом. С новым автором надо знакомиться в хорошем настроении, чтобы ничто не раздражало, тогда и книга придётся по вкусу, – так считала Света.

По дороге встретился паренёк из их компании. Как правило, он спрашивал:

– Вы куда? Купаться? Я с вами!

Но сегодня только кивнул, перемигнулся с девчонками и откатил велосипед в сторону от тропинки. Света и на эти необычности не обратила внимания.

Она стала раздеваться. Подруги почему-то медлили. Света осталась в одном купальнике, когда вдруг две девчонки крепче схватили её. Третья развязала тесёмки верхней половины купальника, а ещё одна рывком сорвала трусики.

– На драчку собачкам, – крикнула одна.

Дальше девчонки стали резвиться, перебрасывая друг другу купальные принадлежности Светы и оставленный на берегу сарафан. При этом они хохотали, как полоумные. Затеянная игра действительно казалась девицам весёлой. Ни одна из них не хотела в действительности обидеть или уни-

зить Свету, они думали немножко растормошить, расшевелить всегда зажатую, стеснительную подругу.

Света металась в надежде поймать хоть что-нибудь из своих вещей.

– Попробуй догони! Попробуй отбери! – кричали поочередно подружки, к которым прилетали Светины вещи. К озеру на велосипедах стали съезжаться мальчишки.

– Быстрее, шоу началось, – прокричал тот, которого девушки встретили по дороге.

Парни выстроились вокруг пляжа, возгласами и свистками стали подбадривать «волейболисток», вместо мяча использующих чужую одежду. Света, залившись краской, пыталась прикрыться, всё ещё не теряя надежды поймать хотя бы трусики. Но вдруг расплакалась, как могла прикрылась ладонями и, пригнувшись, побежала по тропинке к дому. Парни окружили Свету на великах, кто-то заезжал чуть вперёд, кто-то ехал рядом, похлёстывая её по бёдрам и ягодичам крапивой.

– Не хотела с нами в карты на раздевание играть, – смеялись девчонки, – всё равно раздеваться пришлось.

На перекрёстке, почти у самого дома, улюлюкающей компании встретился Георгий. Он подкачивал велосипедные колёса, но, услышав крики, оторвался от своего занятия и попытался перегородить Свете дорогу. Парень только хотел узнать, что случилось, но вышло, будто он заодно с остальными. Девочка оттолкнула его и побежала быстрее.

– Стой! Что произошло? Возьми мою футболку, Свет! – Но девочка уже скрылась за калиткой собственного дома.

– Девчонки Светку на пляже раздели, одежду украли. Угар, правда? – сказал один из велосипедистов.

– Придумали ерунду какую-то, – буркнул Георгий.

Толпа девчонок и велосипедистов-мальчишек остановилась, не доехав до Светиной калитки.

– Да ты чего, Жор, смешно же!

– Смешно? Может, сам тоже осмелишься голым по всей деревне пробежаться? Или на велике проехать? Или все вместе езжайте, чтоб от смеха обоссаться! Слабó?

Мальчишки и девчонки притихли. Им отчего-то стало бо-язно. Ясно, что Георгий против них в одиночку ничего не предпримет и голыми бегать не заставит и с кулаками не бросится, но вид у него был грозный, разъярённый даже.

– Сопляки! – Жора сплюнул на пыльную дорогу и стянул с себя футболку. Следом к велосипедному колесу упали шорты и подростковые трусы-боксеры. – Я вам Светку обижать не позволю. Кто обидит – будет иметь дело со мной. А пока – объеду круг по деревне голым, пусть знает, что я за неё – горой!

Вероятно, чувство справедливости Георгий унаследовал от отца. И было оно у него такое же... необычное.

Девчонки зашущукались, но уже не смеялись. Им было стыдно и неловко смотреть на голого Георгия. В карты играли обычно под вечер, в беседке, там было сумеречно, а стол

скрывал тех, кому вдруг доводилось проигратъся до полного раздевания.

Кто-то из парней мотнул головой, мол, поехали понаблюдаем, но остальные предложения не поддержали.

Георгий между тем ехал по деревенской дороге. Медленно, чтобы никто не подумал, что он стесняется. Пусть каждый, кому вздумается, выглядывает из-за заборов, рассматривает, тыкает пальцами, ржёт. Пусть этот поступок станет своеобразным актом самопожертвования во имя девочки, которая ему небезразлична.

Люди выглядывали из окон, головы зевак возвышались над штакетинами заборов, многие кричали:

– Оденься, не позорь родителей! – но почему-то никто даже не подумал вынести Георгию, например, рубашку или полотенце. Так же было и со Светой: предпочли отсидеться дома, хотя слышали наверняка крики и улюлюканья, видели бегущую Светку. Сложно, что ли, было покрывало какое-нибудь дать?

Он объехал круг. Приятели так и стояли на прежнем месте. Георгий молча оделся. Евгений за этот поступок при встрече крепко пожал парню руку. Отец назвал дураком.

* * *

Света, по обыкновению, нашла утешение в слезах и хандре. Она проплакала до позднего вечера, отказалась ужи-

нать, наутро вышла к столу в дурном расположении духа и попросила отца не донимать её разговорами. Гале звонить тоже не стала: сестра могла шутками-прибаутками разогнать Светкины страдания, а ей этого не хотелось. Горе должно быть всепоглощающим, отдаваться ему надо со вкусом, чтобы прочувствовать на всю глубину, до самого мелкого камешка на дне! Свете нравилось из каждого грустного события своей биографии извлекать максимум скорби.

Впрочем, на следующий день она всё же позволила отцу провести с ней разъяснительную беседу, суть которой сводилась к тому, что девочки и мальчики не желали ей зла, они просто находятся в том агрессивно-счастливом периоде жизни, когда нагое тело кажется интересным и будоражит сознание, а неокрепшая душа мечется между стремлением к суициду и жадной вечной любви, при этом за собственными переживаниями никогда не видит переживаний окружающих. Света мысленно согласилась: она и сама была такой. Если бы ей предложили ради смеха сдёрнуть трусы с кого-нибудь из компании, поддержала бы идею и хохотала бы вместе со всеми. Но на лице она всё ещё выдерживала скорбное выражение.

Галя, узнав о переживаниях сестры, сказала:

– Светун, идиоты – это стихия. Ты можешь сделать что-нибудь со стихией? Увы, против стихии все мы бессильны. Поэтому просто смирись, идиоты будут в нашей жизни всегда. А мы сейчас в том возрасте, когда идиотами быть не

стыдно, а даже полезно. Когда подрастём, будет с кем сравниваться: с собой же – недотёпой из прошлых лет. А когда я приеду, я привезу нам с тобой такие откровенные купальники, что поверь мне: даже голые мы не будем выглядеть настолько обнажёнными, как в них! Хорошо сопли распускать!

К следующему дню от Светиных переживаний не осталось и следа. Утешили и слова отца, и обещания Галки насчёт купальника: если она что-то задумала, выполнит непременно. Ещё утрём нос всем этим веселушкам! Поступок Георгия, увы, остался ею незамеченным и неоценённым.

Глава 6

Из наблюдений за Евгением, 2008–2012 годы

Косить Евгений предпочитал именно ручной косой, оставшейся от предыдущей хозяйки. Бензо- и электроинструмент казался ему шумным. Евгений любил выйти на покос пораньше, едва рассветало. Не потому, что так Света не могла отслеживать каждый скошенный дубок. Эти часы были для Евгения часами уединения, размышлений и воспоминаний.

Когда Веры не стало, он решил, что ни в коем случае не будет делать из квартиры мемориальный музей. Уже и не вспомнить, сам он до этого додумался или кто-то посоветовал, только через некоторое время после похорон он вынес из дома все Верины вещи, избавился от совместных фотографий, оставив только те, на которых Вера была запечатлена со Светой. Дочь приняла отцово решение спокойно. Евгений старался не привлекать её к разбору вещей матери и походам на помойку, а перестановку делал, пока Светочка была в школе, чтобы у неё складывалось впечатление, будто всё происходит само собой. Света попросила оставить на память о маме тёплый банный халат и заколку, украшенную разноцветными камешками. Какой бы ни была мода на при-

чѣски, Света никогда не решалась коротко остричь волосы, потому что любимая заколка держала волосы только определённой длины.

Себе Евгений предпочёл оставить исключительно нематериальное: воспоминания о совместном прошлом. Иногда он об этом жалел, потому что, увы, память временами всё-таки искажала минувшие события, выдавала их в ином переложении и создавала что-то вроде нового издания – «исправленного и дополненного».

Дача дала возможность Евгению придумать новую память, если так можно выразиться. В этой деревне они были с Верой только один раз: провели неделю в снятом домике – летом в год её смерти. Они гуляли по деревенским улочкам, брали напрокат лодку и уплывали в заросшие камышом протоки. Они покупали парное молоко и свежий батон в соседней деревне. Это было ежевечерним развлечением: прогуляться до избы, хозяйка которой торговала молоком, творогом, куриными и перепелиными яйцами. Вера делилась с мужем мечтами:

– Когда-нибудь, Женечка, мы станем с тобой жить в какой-нибудь деревне. Хотя почему в какой-нибудь? В этой самой деревеньке, в Забережье, и будем жить! Я буду земским врачом, ты станешь заниматься огородом и рыбалкой, может быть, даже охотой. Светочка к тому времени, надеюсь, уже окончит школу, выйдет замуж, станет привозить нам внуков на лето, и мы их будем вот так же брать на вечернюю прогул-

ку за молоком. Я непременно заведу фруктовый сад, пусть там будет всё: яблони, груши, сливы, вишни, кусты смородины, крыжовника, малины, ежевики. Мы с тобой будем собирать плоды и ягоды, сушить, делать варенье. Я, конечно, рассержусь: зачем столько насажала? Как такую прорву переработать? Банок, сколько бы ни приберегли, всегда будет мало. Руки пропитаются соком, станут чёрно-фиолетовыми, и проще будет пересадить себе новые кисти, чем отмыть старые! Несносный характер и врождённое упорство не позволят мне бросить начатое на полпути! А зимой – мы обязательно сделаем такую печь, чтобы жить за городом и зимой! – откроем банку компота, намажем булку вареньем. Руки мои, конечно же, будут к тому времени привычного цвета, злость улетучится, останется только аромат заготовок и приятная сладость на губах. Я стану выходить на заснеженный участок и гладить стволы саженцев-кормильцев, которые в новом году ещё больше окрепнут и снова принесут урожай. Всё это мечты, Женечка, но мечты – они такие... У мечты человек – промежуточный хозяин. Как в паразитологии: мышь, чьё сознание изменено паразитом, сама бросается в пасть кошке. Тогда паразит оказывается в теле окончательного хозяина и успокаивается. Вот, в сущности, мечта для человека – тоже паразит: изменяет сознание, заставляет прыгать в разинутые пасти, лишь бы обрести окончательного хозяина – реализацию, воплощение. Так что мы с тобой тут поболтали-помечтали, но сознание наше уже изменено, дело за малым – прыг-

нуть... И однажды мы прыгнем, и будет у нас свой загородный дом, помяни моё слово. Потому что любой замысел зреет, грызёт изнутри, будь то стремление написать литературное произведение, прыгнуть с парашютом или даже совершить преступление. Пока не осуществишь задуманного – не успокоишься...

Евгений махал косой, укладывая на сторону зелёные пряди травы, и вспоминал. Порой ему казалось, что он уже не вспоминает, а придумывает то, чего жена никогда не говорила, но придумывал всё равно непременно Вериным голосом. И оттого казалось, что всё это действительно было.

Он посадил кусты и плодовые деревья – всё как хотела жена. Давали урожай и те кусты, что остались от Людмилы, так что можно было делать варенье и компоты. Не так много, как в Вериных мечтах, но по зиме Евгений и Света уже лакомились собственноручными заготовками.

Он разбил несколько клумб: тюльпаны, астры, нарциссы, гладиолусы, флоксы. Всё, что любила Вера, и всё, что ей могло бы понравиться, по мнению Евгения.

Иногда ему нестерпимо хотелось вернуть выброшенные фотографии, и он расстраивался, что нет ни одного снимка, где они вместе. Даже где все втроём, нет. Кто-то один всегда фотографировал. А вдруг однажды память подведёт окончательно и в очередном исправленном и дополненном издании Веры не окажется вовсе? Тогда бы фото пригодилось. Но нет, сам всё уничтожил... Евгений любовался теми

снимками, где Вера была со Светой. Память и тут пыталась внести коррективы, нашептать, что дочка никогда не была карапузом, не сидела у него на руках, а сразу родилась рослой девицей с кучей подружек, которые теперь частенько бегали по лужайке перед домом. А фотографии будто отвечали: нет, была – и маленькой, и пухлой; и на коленях сидела, и к потолку подлетала... И из роддома забирал дочку-крошку, а не длинноногую красотку с маминой заколкой в волосах.

Евгений очень любил дочь. Ему нравилось, когда к ней приходили друзья, разводили костёр, играли на гитарах. Он слушал нестройное пение надтреснутыми юношескими голосами, иногда подпевал и даже сам, бывало, брал гитару, чтобы исполнить лирический романс или озорную частушку. Обходился блатными аккордами, никакого барре он отродясь не брал, как, впрочем, и эти мальчишки, пытающиеся похвастаться несуществующим умением. Он хвалил. Поддерживал их старания научиться играть. Разрешал засиживаться допоздна, закрывал глаза, если кто-то притаскивал пиво, иногда и сам выпивал стаканчик за компанию, подбрасывал копеечку на струны и медиаторы.

Он посвятил себя дочери, но это не значило, что жена перестала для него существовать. Он сбегал к ней на свидания в рассветные часы – сюда, на некошеную половину участка. Брёл по траве, улитки сыпались в галоши. Только рассвет, зелёные травяные пряди, свист полотна в движении справа налево и воспоминания... Запах свежести и дымка – кто-то

проснулся так же рано и уже разжёл костёр или затопил баню. Деревня безмолвна, но вот застучат утренние калитки и двери, залают проснувшиеся собаки, послышатся первые разговоры, удары молотков и топоров, визг бензопил и тримеров, и дальше звуки уже безудержны, жизнь – неутомимая и по-деревенски неспешная – набирает обороты. Пронесутся на велосипедах дети, перепрыгнет через забор соседский кот или даже забегут на участок чужие куры... Отрывистые окрики – с матом и без – раздаются то тише, то громче. Словно в школе объявили переменку и засидевшиеся ученики проверяют, не разучились ли они кричать за время урока. Деревенские улицы, как школьные коридоры, заполняются движением и звуками.

Евгений ставил косу в сарай. Переменка. Перемена дел. Сейчас Светочка проснётся, ей надо потереть яблочко и сделать творожок со сметанкой. Захочет – не захочет, это её дело, но приготовить надо. Ей бы только газировку хлестать да чипсами хрустеть. Успеть бы, пока она прямо с утра не глотнула лимонада, впихнуть в неё что-нибудь полезное...

А завтра с утра косить не станет, зато пойдёт за грибами, сделает одно из двух блюд, как любил сам шутить: либо картошку с грибами, либо грибы с картошкой, это уж смотря насколько значимый «улов» принесёт из леса. А когда-то и на рыбалку ходит, хоть и не большой любитель, но на булку с берега мелочи наловить, в муке обвалить да нажарить – милое дело. Светка грибы не очень жалует, а рыбку ест.

Только головы ещё живым рыбёхам просит при ней не отрывать, всегда в этот момент из кухни уходит.

– Если не я рыбку убила, значит, и не виновата, – поясняла Света.

– Странная логика, – тут же встревала Галка, – хочешь остаться беленькой и пушистой? Убейте сами, а я поем? Ничем ты в этой ситуации от убийцы не отличаешься...

В течение дня память нет-нет да и возвращала Евгения к мыслям о Вере. У клумб; у деревьев; у забора, который был выкрашен в любимый Верин цвет; во время сбора клубники – Вера не раз отмечала, что ягодка отрывается не сразу, с задержкой, со щелчком, будто какой-то замочек за собой замыкает, прежде чем уйти с куста.

Особенно резка и непримирима бывала память, если рядом оказывалась Алевтина. Евгений отдавал себе отчёт, что он вдовец, что у него есть дочь-подросток и любые новые отношения могут пагубно повлиять на Светину психику, понимал, что Алевтина – жена Ивана и рассматривать её в качестве претендентки в супруги мысль неправильная и даже порочная. Но он осознавал также, что одинок, что давно не чувствовал женского тепла, а городская квартира и деревенский дом много лет не знают рук настоящей хозяйки. Да и дочь-то уже совершеннолетняя, должна понять!

Евгений стыдился того, что мгновенно таял, стоило Алевтине завести медовым голосом:

– Женечка, ты же с нами сегодня пообедаешь? У нас хо-

лодный борщ!

Что-то с ним делалось в эти минуты. Новое, исправленное и дополненное издание его жизни готовилось в печать. И он шёл обедать, и вёл с Алевтиной долгие разговоры, и с удовольствием впускал её в дом, когда она приходила сама – принести пирожков и салата, а потом – чтобы забрать эмалированную мисочку и пластиковый контейнер из-под угощения. Он будто не замечал, что она проводит в доме гораздо больше времени, чем требуется, чтобы просто взять посуду и уйти. Свету наличие посторонней женщины в доме не интересовало, Галя пару раз отпускала какие-то колкости на этот счёт, но Галя бывает в Забережье редко, в доме она гость, а не хозяйка. Евгений не знал, что делать дальше, и никогда бы, вероятно, не решился заговорить с Алевтиной о чувствах, но ему помог случай: Иван и Алевтина надумали развестись.

Глава 7

Из наблюдений за Светланой, 2011–2012 годы

Света пошла в школу с восьми лет, и потому выпускницей стала в 2011 году. Лето восемнадцатилетняя Аршинова провела, как обычно, в Забережье, основным развлечением для неё по-прежнему были книги да редкое общение с деревенской компанией. В ноябре того же года ей исполнилось девятнадцать лет, и она внезапно объявила отцу о намерении обзавестись семьёй.

Евгений был удивлён, но в то же время обрадован. Откровенно говоря, он не слишком верил, что у Светы есть шансы поступить в вуз. Ни за время обучения в школе, ни после ему так и не удалось получить от дочери внятного ответа, кем она хочет стать и как планирует зарабатывать на хлеб. Дочь всегда отличалась, с одной стороны, разнообразием интересов, но с другой – крайней неусидчивостью и быстрой утратой интереса ко всему, чем занималась. Ходила в кружок, «обезьянничая» за подружками, но бросала, столкнувшись с первыми трудностями. От долгого стояния у мольберта уставали ноги и затекала шея, от запаха краски мутило, длинные тексты для театральных постановок учить ей было лень, на танцах утомляли многократные повторения, на гимнастике

– больно, в спортивных играх не хватало реакции и соревновательного азарта. Света любила читать, но при этом не собиралась связывать жизнь с журналистикой, лингвистикой, филологией, не планировала останавливаться на профессии библиотекаря, издателя или переводчика.

– Экскурсовод... Литературный критик... Кто ещё, не знаю... Менеджер по туризму... – наугад перечислял Евгений, надеясь, что само звучание названных специальностей затронет в Свете какие-то струны. Иные ребята грезили поступлением в ПТУ и колледжи, готовы были сбежать из школы после девятого класса, лишь бы поскорее начать знакомство с милой сердцу профессией. Но, увы, Света оказалась из числа тех, кто долго не мог определиться с выбором. Для парней существует иной стимул: мальчишки – одноклассники Светы, не желавшие переодеваться после школы в хаки, сдали экзамены и поступили в институты не столько по любви, сколько от безысходности, ну а там, глядишь, или стерпится-слюбится, или появятся мысли насчёт дальнейшего профессионального пути.

Евгений грустил, что не может стать для дочери достойным примером. Бомбил, вписывался в разные полуавантюрные проекты, организованные друзьями, и даже пытался когда-то заниматься бизнесом самостоятельно, но быстро прогорел. Ни на одной работе не задерживался дольше чем на два года, поэтому вряд ли мог без фальши рассказать Светлане о призвании и деле всей жизни.

Спрашивать у девочки, не хочет ли она быть, как мама, врачом, бессмысленно. Ответ очевиден, да и опасность спровоцировать истерику разговорами о матери не миновала. Света ловко умела плакать, когда хотела. Была ли скорбь искренней – в это Евгений старался не вникать, чтобы не напугать самого себя напрашивающимся выводом: его дочь неплохой манипулятор, а он ей потакает. Сделать этот вывод означало бы признать правоту Галины. А не хотелось. К тому же случившиеся в жизни Галины перемены вдруг стали формировать у Светы ту самую веру в чудеса, о которой Евгений неустанно твердил и которая теперь ему казалась наивностью и оторванностью от реальности.

– У Гали же получилось вот так: раз – и в шоколаде! – говорила Света.

Да, Галя с двадцати лет уже считалась опытной няней, но и образование получила: окончила полугодовые курсы бибиситтеров, обучилась массажу и оказанию первой помощи. Всё, чего достигла, Галя добилась упорным трудом, на который Света была не способна, – Евгению приходилось это признавать, несмотря на отцовскую любовь. Света же вбила себе в голову, что Гале всё досталось на блюдечке, а значит, и ей самой однажды кто-нибудь тоже предложит есть из золотой посуды. А пусть бы Галя и похлопотала за двоюродную сестру: мало ли семей, желающих нанять сиделку!

– Грамотную сиделку, – безжалостно припечатывала Галя, когда Евгений заводил с ней разговоры насчёт протекции

для Светочки. – Пусть учится, пройдёт хотя бы те же курсы, что и я. Но, боюсь, ничего толкового из неё не выйдет, и вы, между прочим, приложили для этого немало усилий. «Светочка, сиди, моё солнышко, я сам всё сделаю», «Светочка, золотце, устала после школы, ляг отдохни...» Светочка – то, Светочка – сё, а теперь что? Я её порекомендую, а потом от стыда сгорю, выслушивая, какую неумеху в дом к нанимателям привела? Зад от переда на детских колготках не отличит!

Евгения коробило от Галиной прямолинейности:

– Галочка, нельзя так, Света твоя сестра, ты могла бы ей помочь!

– Света – моя сестра, – серьёзно отвечала Галя, – и я её люблю. И я ей помогала и помогаю. И всё время твержу попереёк ваших напутствий: Светка, учись, Светка, не ленись, Светка, стремись! Берись за ум! У меня в её годы уже было такое резюме, что семьи боролись, переманивали, а я ещё и выбирала, свои условия ставила. Так что я для Светки живой пример: найти себя можно и нужно, только для этого надо хотя бы начать искать! А не сидеть у телевизора и канючить: папочка, чайку хочется! Папочка, а зефирчика у нас нет? И папочка, вместо того чтобы взять ремень и погнать лоботряску на работу, несёт ей и чай с зефирчиком, и конфетки с бараночками! Светке одна дорога – замуж удачно выйти, чтоб с одной шеи на другую пересесть...

Свету мысль вдохновила. Она стала обдумывать удачное

путешествие с «шейными пересадками». Папочка не вечный, когда-нибудь его не станет, и что прикажете делать?

Первым кандидатом в женихи был Георгий. Он давно был к Светке равнодушен. У деревенского костра, перебрав, шептал всякие разности о любви, целоваться лез. Тогда Свету передёргивало от отвращения: несколько минут назад Георгия вывернуло и теперь от него пахло перегаром и блевотиной. Но сейчас, когда появились мысли о быстром браке, лучшей кандидатуры, чем влюблённый соседский сынок, не найти. Конечно, одно дело – полапать девчонку в юношеском запале, и совсем другое – взять её в жёны. Но Света предпочла об этом не думать. Её смущали Оладьевы-старшие. Галка называет их «те ещё хмыри». И она права. Заманить Георгия под венец не проблема, а вот жить под одной крышей с его папашей – удовольствие однозначно сомнительное.

Есть и другой вариант: одноклассник Валерка Яблонев. Он от Светки тоже без ума. На выпускном был довольно напорист, и даже кое-какие баллы к зрелости Светка ему в тот вечер начислила.

Света позвонила Валере сама, назначила свидание, на которое тот с радостью согласился и разговор о свадьбе как-то вдруг завёл сам, без намёков и направления беседы в нужное Свете русло. Галка – ох уж эта всезнающая Галка – только хмыкнула:

– Быстрая свадьба нужна парням в двух случаях: либо они военные, которым вскоре распределяться по местам даль-

нейшего прохождения службы, либо они хотят улучшить жилищно-коммунальные условия. О браках по залёту не говорим, там выгоды для кавалера никакой.

Валера был из второй озвученной Галей категории. Жил он в двушке с матерью и двумя старшими сёстрами. Комнату в общежитии от вуза получить не удалось: иногородних селить некуда, а уж местным и подавно давали от ворот поворот. Свадьба решала два вопроса: с жильём и сексом, который у Валеры всегда был эпизодическим и «подзаборным». Домой девушку не приведёшь, приходилось довольствоваться подъездами и случайными хатами.

Светка Валере нравилась. Да и других девчонок вполне можно будет приводить – как-то так радужно и беспринципно рисовал он в голове будущую семейную жизнь. Света тоже строила планы, далёкие от совместного обустройства уютного гнёздышка. Был бы кто-то, кто гвоздь забьёт, шуруп ввинтит или ввернёт – что там с шурупами делают? Зарплату в дом пусть приносит. Чтобы всё, как полагается: жена руководит, муж делает.

Галя только пожимала плечами. Насчёт взаимоотношений полов у неё взгляд был особенный: она семью заводить не хотела. Её устраивали случайные короткие встречи, нравились ей в основном эгоистичные самовлюблённые красавчики, смазливые внешне и пустые внутри. Галя отдавала себе отчёт, что с таким «типажом», да ещё и в молодости, ничего путного не построишь, и потому не мучила ни себя,

ни «типаж». Лёгкие, необременительные встречи, короткие связи, иногда – повторный звонок для удовлетворения физиологических потребностей, но именно – иногда. Пустышка на то и пустышка – как соска: обмануться дважды ещё возможно, а трижды, увы, не прокатит. Это даже младенцы понимают. Детей Гале хватало и тех, с которыми она нянчилась. Она любила их всех, готова была возиться с ними сутками напролёт, но собственных заводить пока не собиралась точно...

* * *

Апрель 2012 года

Свадьбу отмечали скромно. Гулянье можно было бы назвать «семейным обедом в несколько расширенном составе». Жених и невеста одеты были торжественно, но всё же свадебными в привычном понимании их наряды не выглядели. Света не хотела белого платья и фаты, Валера не настаивал. Он предпочёл одеться в светлые лёгкие брюки и белую рубашку поло. Света облачилась в джинсовое платье на пуговицах.

Самым официальным в костюме-тройке выглядел Евгений, он то и дело поправлял галстук-бабочку и страдал от

жары, потому как день для апреля выдался неожиданно солнечным.

Мне хотелось бы рассказать здесь о чувствах отца, отдающего замуж единственную дочь, а может быть, и привести полностью его застольную речь, но делать этого не стану, ибо для отцов, уже благословивших своих дочерей, чужой опыт не так уж важен, а для тех, кто в подобном мероприятии участвовать не планирует, и вовсе излишен. Скажем только, что пережил этот волнительный момент Евгений со всей мудростью и присущей ему теплотой. И добавим, что он чувствовал бы себя увереннее и уютнее, если бы рядом была жена, да и Светочке не хватало матери в дни подготовки к свадьбе и на самом торжестве. Галя произнесла тост за «чудесную тётю Веру», Светочка расплакалась – искренне и от души, Евгений тоже не сдержал слёз.

Уже под вечер, когда гости насытились, вдоволь потанцевали и готовы были пить чай с тортом, в ресторан заявился изрядно выпивший Георгий. Сколько ж их было уже, таких сюжетов, когда влюблённый парень решается увести возлюбленную прямо в день бракосочетания, сколько историй о том, как отвергнутые соперники портят свадьбу пьяной дракой, и вот, пожалуйста, в моей тетради появляется нечто подобное, чему я совсем не рад.

Сюжет тем более клишированный, что Георгий к моменту описываемых событий отслужил в десантных войсках. Но нет, к счастью, дальше история развивалась не так, как в ме-

лодраматических сериалах. К слову, осенью он планировал поступать в архитектурно-строительный колледж. Интерес к черчению и рисованию возник у него ещё в школе, а за год службы парень окончательно обдумал, какой профессией хотел бы овладеть. Иван сына художником не видел, подсмеивался над стремлениями отпрыска, и, откровенно говоря, отношения между Оладьевыми стали довольно прохладными, если не сказать близкими к обледенелым.

За год службы Георгий не получил от отца ни единой весточки, ни даже приписки к посланиям, отправленным матерью, а по телефону в коротком разговоре на день рождения сына Иван буркнул что-то лишённое всякого намёка на эмоции. Посылок в армию Георгию отец не собирал и Алевтине снабжать «кровиночку» чем-либо запрещал.

– Он на государственном обеспечении. О нём есть кому позаботиться, – так считал Иван, и Алевтина кивала, полагая, что год вполне можно перебиться на всём казённом...

Георгий, несмотря на то что еле держался на ногах, двигался по ресторану стремительно, будто знал наверняка, в каком зале проходит интересующая его свадьба. Или у влюблённых бывает какой-то особый навигатор для поиска ускользающих невест?

Он знал от Гали, что регистрация назначена на 13:00, и к этому времени уже приложился к бутылке столько же раз, сколько дал себе обещаний не предпринимать сегодня ника-

ких действий, не ездить ни в загс, ни в ресторан. Он выпил в 13:00 – за здоровье молодых, потом за «будьте вы прокляты, молодые» и отдельно за «суку Светку». Он допил бутылку дома и прихватил в дорогу ещё одну. Пил в пути, несмотря на требования кондукторов в транспорте убрать алкоголь, он не прошёл контроль в метро – пьяного не хотели пропускать, – после чего пешком отправился до другой станции, где прошмыгнул, не привлекая к своей персоне внимания.

К минуте появления в ресторане Георгий уже едва ворочал языком. Медлительными, бессвязными и неповоротливыми были его мысли. Разумеется, он заготовил речь, он проговаривал эту речь всю дорогу, меняя смысловые акценты (так говорю я; он, конечно, данного словосочетания не употреблял, а просто подставлял или убирал слово «сука» по отношению к Свете). Смена фаз пьяной мыслительной деятельности заставляла его то желать невесте безоблачной семейной жизни, то – чёрт с ним – даже задушить или зарезать, а то просто выкрасть – и если не из ресторана, то хотя бы из-за стола на один короткий прощальный танец. А во время танца притянуть к себе, поцеловать, получить потом по морде от жениха... А когда музыка отзвучит и Света скажет: «Ну что ж, танец позади...» – всё-таки зарезать. И пусть посадят!

Он вошёл в зал под хохот гостей: Галина рассказала свежий анекдот. Нового гостя даже не сразу заметили, и ему пришлось привлечь к себе внимание стуком вилки о бокал: стучал он отрывисто, звучно, широко отставляя руку с вил-

кой и ударяя в тонкую стеклянную стенку бокала, будто в гонг.

– Светка-а-а-а... – протянул он, вдруг осознав, что оказался в миг произнесения речи пьянее, чем рассчитывал. Он продолжил постукивать по бокалу. Язык не слушался. – Светка-а-а-а... Что же ты наделала, а-а-а?

Он нетрезво подвывал, произнося каждое слово нараспев, отбивая неровный такт по бокалу. Глянул на стакан и вилку, пытаюсь вспомнить, как они оказались у него в руках. Хлебнул пустоты из чистого бокала. Преувеличенно бережно поставил стеклянную посуду на стол, отложил вилку.

– Что же ты наделала, а-а-а? – Он почесал шею, будто вид постороннего мужчины рядом с возлюбленной вызывал у него зуд. – Мне бы выпить...

– Тебе хватит, – одёрнула Галя, но кто-то из гостей уже сунул Георгию в руку наполненный шампанским бокал. Он выпил залпом, закашлялся в кулак, казалось, он немедленно вернёт выпитое назад, но продышался и сделал собравшимся успокаивающий жест: я в порядке. Жест вышел довольно красноречивым, а вот сама речь по-прежнему не складывалась.

– Светка-а-а, – он опять завыл на выбранной ноте.

– Хорош причитать, – снова встряла Галя, – не на похороны пришёл. И чего припёрся без приглашения?

– Светка-а-а, – опять просипел гость, – я ж за тебя, б..., Светка... Ты хоть знаешь, что я, б..., за тебя... И на что для

тебя готов...

Он картинно ударил себя в грудь. Посмотрел на ладонь, словно вспоминая, убрал ли вилку, убедился, что убрал, и снова постучал себя кулаком.

– Я за тебя, б..., Светка, ну что хочешь...

– Посадите парня, пусть поест, закусит. Присядь, сынок. Тебя как звать-то?

Георгия усадили за стол, положили салатов, мясной и рыбной нарезки. Он схватил вилку, как ложку, черпал в рот салат – неаккуратно, чаще промахиваясь и вываливая оливье себе на брюки. Попытался вытереть брюки полотняной салфеткой, но вдруг вскочил и заговорил с жаром – быстро и непонятно:

– А помнишь, Свет, как я ради тебя на велике голый проехал? Помнишь?

Светлана, не слишком слушая незваного гостя, полушёпотом объясняла новоиспечённому мужу, кто это припожаловал к ним на свадьбу.

– Голым на велике? – изумился Валера.

– Да! – с вызовом ответил Георгий. И с неожиданной для пьяного ловкостью стянул с себя футболку, расстегнул широкие брюки, они легко соскользнули вниз по ногам. Его пытались остановить, но он спустил до ботинок и трусы. – Вот прямо так, голый на велике! Ради твоей жены! Ради своей любимой!

Разумеется, сейчас это был уже не тот рыхловатый пухлый

подросток, какого видело Заберезье в 2008 году, за время службы Георгий изрядно подкачался, сбросил вес и обрёл рельефную мускулатуру.

Парень пытался сфокусировать пьяный взгляд на лицах, но видел только Свету. Наверное, потому, что её лицо он знал наизусть – до чёрточки. Валериного не знал совсем и никак не мог поймать его в фокус: виной тому был алкоголь; впрочем, знакомиться с мужем возлюбленной Георгию не хотелось. Евгений и Галина были для неодетого гостя сейчас только голосами, доносившимися слева и справа.

– Во-во, так же и в деревне кудахтали... «Прикрой срам» и прочее... Все меня такого видели... Все смотрели... А она не смотрела, не видела... Не оценила... Так пусть сейчас смотрит!

– Жор, оденься, а! – попросил Евгений.

– А вот пусть она меня прикроет! Отдаст, так сказать, должок... Пусть снимет с себя платье и меня прикроет. Слабó, а?

– Вполне себе в духе вашей семейки, – прошипела Галина, натягивая на Жору трусы и брюки. – Дать на три рубля, а стребовать на десять! Благородный самый!

Она застегнула брючную молнию и посмотрела Георгию в пьяные глаза. Он, покачиваясь, то и дело норовил завалиться ей в объятия.

– Послушай меня, дебошир. Внимательно послушай! Ты сейчас только что уничтожил всё, что когда-то заложил сво-

им благо-о-одным поступком! Обнулil, растоптал, отнял! Поглядите-ка на него, должок ему верните! А тебя кто-нибудь просил дела твои великие вершить, а? Сегодня приходит просил кто-нибудь? Да и вообще, Оладьев, может, ты сам и подговорил тогда девчонок Светку раздеть, чтобы потом своим якобы рыцарским поступком мозги ей запудрить?

– Да ты чего, Галь? – Жора даже, казалось, протрезвел от несправедливых слов.

– А невеста сейчас глянет на твои голые ляжки и сбежит от законного мужа, ты так думал, что ли? – хохотнул чей-то голос. Голоса этого Георгий не знал и знать не хотел.

– Давай-ка футболку надень тоже. Ну правда, Жор, ресторан не баня! Сядь, поешь, – этот голос Георгию знаком. Тёплый и заботливый. Евгений.

– Жор, – Света решила вступить в разговор, – а почему у тебя всё так-то? Почему так? На велике голым задом пошверкать – это пожалуйста, с пьяными поцелуями лезть – можешь, на свадьбе моей догола раздеться – вот вам, нате. А по-другому нельзя? По-человечески как-то? Что ж, меня только голым задом спасти можно? Это у тебя такой метод устрашения противника и привлечения самки – голый зад?

– А если... Если по-другому как-то будет, ты...

– Да ничего уже не будет, Жор, я замужем. И никакого «по-другому» быть не может! Я мужа люблю, а тебя, Жор, нет!

Немногочисленные гости молчали. Они были взрослыми

и, наверное, все как один понимали, что этот парень, раздевшийся прилюдно догола, так же обнажён сейчас и душевно. Он не подобрал в нужное время слов, не нашёл к Свете подхода и сейчас проживает последнюю страницу этой юношеской влюблённости. Страницу, которую следует перелистнуть и жить дальше, потому что двадцать лет – это возраст, когда всякая любовь кажется одной и на века, последней и самой сильной. И двадцать лет – возраст, когда этих «последних и на века» впереди ещё великое множество. Старшие не встречали, давая возможность парню выговориться – хоть здесь, хоть так. Даже Валера отнёсся к ситуации с пониманием.

– Неразделённая любовь – это, Жор, своего рода дефект всемогущества, – заговорил Евгений, приобняв соседского сына за плечи. Георгию подали горячее, и он сосредоточенно ел. – Ты влюблён и кажешься себе всемогущим, сильным, тебе всё по плечу. И ты даже не можешь поверить, что объект, к которому ты испытываешь страсть, в ответ равнодушен. И вдруг – отказ. И отказ этот пробивает в твоём всемогуществе брешь, которую сложно закрыть. Но надо, Жор. Закрывать надо! Потому что однажды найдётся та, для которой это твоё всемогущество будет самым главным в жизни! И дефект всемогущества – это не только про безответную любовь, это про многое...

Георгий ел. Ему нравилось слушать спокойный ровный голос Евгения. И объяснение про дефект всемогущества по-

правилось – пусть он и не понял его тогда: пьян был и молод. А вот заделывать брешь для кого-то ещё он не намерен. Не брешь это пока, а так, маленькая вмятинка от пневматической пульки. Светка ещё будет с ним! Непременно будет!

– Хороший ты мужик, Евгений, – пьяно пробормотал Георгий и обнял несостоявшегося тестя. На «ты» он его прежде не называл и впредь не будет, это только под действием момента и алкоголя вырвалось. – И почему тебя мой отец ненавидит? Другом прикидывается, а на деле – от ненависти с ума сходит...

«Ясно почему, – подумал Евгений, – потому что мать твоя от него ко мне надумала уйти. Разводятся они по каким-то своим причинам, много всего за жизнь накопилось. Но всё равно то, что Алевтина ко мне равнодушна, Ивана выводит из себя».

– И мать моя тебя ненавидит... – пробормотал с набитым ртом Георгий. Будь его речь чуть более внятной, а Евгений чуть менее беспечным, не было бы, возможно, той беды, что неминуемо ждала обе их семьи.

Георгий остался до конца праздника, протрезвел, спел несколько песен в караоке, потанцевал со Светой, нашёл общие темы с Валерой.

Быть может, кто-то спросит: почему я всё видел, слышал и знал, но ничего не сделал, никого не предупредил? А вот это уже мой дефект всемогущества: оно прекратилось бы, стоило мне выдать свою осведомлённость. Мне хотелось досмот-

реть это кино до конца, поэтому дефектное всемогущество спасателя чужих судеб я променял на полноценное всемогущество бездействующего молчаливого наблюдателя.

Глава 8

Лето 2013 года

Иван был зол. Время шло, а вождеденный участок не желал переходить ему в собственность. Разные хитрости вроде: «Жень, мои дровишки полежат у тебя тут недельку» – конечно, давали свои приятные плоды. По кусочку, по шажочку, по сантиметрику-другому удавалось отщипывать у соседа землю. Но Ивану не нужны были кусочки. Он не хотел бефстроганов, ему подавай огромный стейк разом, цельным куском. Побираться, придумывая новые и новые способы обманывать соседа, надоело. Хитрить ему было не впервой, но он всё ещё был в обиде на судьбу и ждал, когда же свершится возмездие и будет восстановлена справедливость. Знал Евгений или не знал о выкинутом Людмилой фортеле – Ивану было наплевать. Евгений стал хозяином незаконно. Законный хозяин – Иван. Всё. Точка. Больше в этих рассуждениях не было ни единого дополнительного предложения. Впрочем, нет, ещё одно было. «Евгений должен вернуть нечестно добытое».

– Почему эта тупая овца Светка не выбрала нашего сына? Уже были бы хозяевами этого долбаного участка, – возмутился Иван. Алевтина позволяла ему кипятиться, спус-

кать пар, выслушивала длинные гневные тирады с обилием нецензурной брани. – Жорка её обхаживал столько лет! Наш сын лох, не смог даже на перепих эту суку уломать! А там уж от простого траха и до свадьбы дело бы дошло!

– Прекрати делать из ребёнка разменную монету в своих грязных помыслах. Тем более что простого траха ему было мало, сам знаешь, он, на беду, в эту суку и впрямь влюблён, – Алевтина повторяла брань за мужем без напряжения, она во многом была с ним согласна. – Мы же с тобой договорились, что Георгия задействовать не станем, достаточно того, что я согласилась поучаствовать в этих твоих гнусностях.

– Ой, не прибедняйся. Ты не меньше меня нацелена на эту землю. Только я хочу восстановить справедливость, а ты просто от природы алчная бабища – такой родилась, такой и сдохнешь. Тебе всё равно, что и у кого забирать, лишь бы на этом наживаться и богатеть.

– Не вижу в этом ничего плохого, – спокойно согласилась Алевтина, – но в отличие от тебя я умею ждать, а не бегаю по участку с жалкими просьбами: «Женечка, я сарайчик ровно по нашей границе поставлю, можно?», «Женюсик, можно тепличку сделаю с заступом на твою землешечку?», «Женёчек, я хочу яблоньку посадить, ничего, что близко к вашему участку?»...

– Прекрати юродствовать, – взвивался Иван. – Я за эти несколько лет для нас уже получил несколько квадратных метров, останется потом только новый план начертить, туда

и колодец наш войдёт, и сарай, и теплица, и даже яблоня. Всё не просто так придумано.

– Я всё понимаю, но хочу получить не жалкие подачки, а весь участок! Мои заигрывания с Евгением находят у него в душе отклик, я это чувствую. Вернее, даже не так, отклик – не то слово. Он долгое время был один, выдал замуж дочь, в душе у него сейчас эмоциональный вакуум, и в этот вакуум может затянуть кого угодно, даже болотных кикимор. Вот и надо, чтобы ближе всех к краю этой воронки стояла я. Мои льстивые речи и лживую маску он принимает за проявление искренней симпатии. Ему не безразличен наш с тобой развод. Развод, – Алевтина хихикнула, – как двусмысленно звучит. Разводим этого идиота рассказами о своём разводе! Но ты будь готов, однажды фиктивный развод всё-таки потребуется.

Иван кивнул:

– Вакуум, говоришь? Какой, к чёрту, вакуум? Они вон с новым зятем не разлей вода. Как сын с отцом. Эта сука малахольная, Светка, тут пасётся. Идиотка горластая, Галя, прикатывает иногда, мозги ему полощет, про тебя и меня бред несёт.

– Умная девочка. Она не бред несёт, а правду про нас с тобой рассказывает. Хорошая девочка, но молоденькая, со мной потягаться не сможет. Вломимся ещё к ним в дом, вынесем оттуда весь их хлам...

– Хлам там и так уже давно наш. Кровати, холодильник,

старая стиральная машина, шкаф, тумба – всё я отдавал. Забор вон из моего штaketника, кровля на крыше – тоже моя. Они нищие, что ни предложишь, всё хватают, побирушки!

– Ну это же чудесно. Это следующий ход, Ванечка. Почему ты такой нетерпеливый? Сперва он на мне женится. – Алевтина подумала, что время оглашать, что будет потом, ещё не пришло, и повторила: – Сперва он на мне женится...

* * *

Евгений любил День Святой Троицы. Вернее, полюбил после общения с местными деревенскими жителями. Здесь, в Забережье, Троица была таким же праздником, как Новый год или Пасха. А может быть, даже ещё более светлым и необычным. Все старожилы непременно выбирались на кладбище, брали с собой съестные припасы и выпивку, словно на пикник. Одевались нарядно. Поначалу у Евгения идея рассиживаться с едой у могил вызывала оторопь и отторжение. Как вообще додумались есть на кладбище? Приходили на ум всякие байки про патологоанатомов, которые не брезгают резать колбасу тем же ножом, которым только что вскрывали труп...

Но малу-помалу обычай этот перестал казаться ему нездоровым. В первую же поездку он проникся духом праздника, хотя и не стал ни принаряжаться, ни брать с собой снедь. Просто присоединился к компании с корзинками, отклик-

нувшись на их внезапное приглашение.

Кладбище в Заберезье располагалось на берегу озера. С противоположного берега скрытое ивовыми порослями последнее пристанище нескольких поколений деревенских жителей было не разглядеть. Могилы располагались в тени, аккуратные оградки регулярно окрашивали родственники, надписи и фотографии на могильных камнях подновлялись. Несмотря на близость воды, отчего-то здесь не роились комары и можно было несколько часов кряду сидеть на аккуратных деревянных лавочках, слушать байки про усопших, выпивать и закусывать пирогами с ревенём или с яйцом и луком. И после всех этих посиделок Евгению казалось, что он такой же старожил в этой деревне, что он знает не один десяток лет и тех, кто уже никогда не сядет с ними рядом, и тех, кто сыплет занятными и трогательными историями о покойниках из разных поколений.

А ещё после Троицы Евгений занимался заготовкой веников. Кажется, так и положено по науке. В это время листва ещё молодая, но уже достаточно напитанная эфирными маслами, а ветки упругие. Сколько домов в деревне, столько, пожалуй, слышал он мнений о правильной заготовке веников. Послушал, обобщил знания, а делал как-то всё равно по-своему.

Баней семья Аршиновых пока так и не обзавелась, к Оладьевым ходили всё реже. Евгению больше нравилась баня у Бобылёвых. Туда-то и принёс он первые собственноручно за-

готовленные веники. Помнится, в тот год Евгений припозд-
нился со сбором веток. Уж и смеялся сосед, открыв бумаж-
ный кулёк из газеты, куда – как положено – завернул Евге-
ний сложенные вместе, выровненные по длине и обвязанные
бечёвкой берёзовые ветки.

– Это что ж такое? – спрашивал сквозь смех Бобылёв, пе-
рекидывая из руки в руку тяжёлую связку прутьев. – Давай
я из земли целую берёзу выдерну и тебя ею поколочу – всё
труда меньше. А то ещё резать, вязать! Хлобысь поленом –
вот тебе и весь веник! А если охота голыми ветками стегать-
ся, так вон их сколько по осени стало, прямо перед походом
ко мне и срезал бы! Ты веники-то когда заготавливал?

– В сентябре, – ответил Евгений, понурившись. Понял,
что оплошал по неопытности, не учёл тонкостей.

– Эх вы, городские, – прокряхтел сосед и полез на чер-
дак за собственными заготовками. – Смотри, крепкие, да-
же после трёх парилок не осыплются! Ветки надо собирать
с Троицы, если только она не слишком ранняя. И до середи-
ны июля, не позже. В сухую ясную погоду, иначе лист почер-
неет, а сам веник будет скользкий, будто мылкий. И вдоль
дорог деревья не выбирай – одна пыль да грязь. Ну ладно,
поживёшь тут с нами, обучу, и лыко драть будешь, и лапти
плести! Совсем деревенским станешь!

Науку соседу Евгению принял к сведению.

В 2013 году вопрос о бане встал особенно остро.

После свадьбы дочери лето они втроём – Евгений, Света и Валера – провели в Забережье, потом вернулись в городскую квартиру. В феврале отметили «красивую дату»: Евгению исполнилось пятьдесят пять. Отметили скромно и без широких гуляний – тоже втроём.

Алевтину крайне рассердило, что её на праздник не позвали, – такой повод заявить о своём праве бывать в этой семье упустила!

Ивану в марте тоже исполнилось пятьдесят пять. Гуляли в ресторане, Алевтина формально на празднике присутствовала, но вела себя с мужем сухо и неприветливо: как-никак, разводиться собрались!

Но вернёмся к Аршиновым.

Евгений твёрдо решил, что с апреля переедет жить в деревню насовсем. Надо где-то мыться. Не всё ж по соседям бегать!

Алевтина всегда предлагает:

– Ты заходи, Женя, к нам, не стесняйся.

А его от этого «к нам» воротит. Да и как ходить, если они разводятся, а Иван точно знает, что между Евгением и Алевтиной чувства наметились. Соседка даже невзначай что-то такое насчёт совместного дальнейшего житья полунамёками обозначила:

– Ты, Женечка, теперь один, тебе присмотр нужен, помощница.

Он отнекивался, говорил:

– Как же, Алечка, один? У меня и дочка есть, и вторая дочка – Галочка, и сынок – Валерочка. Толковые вещи предлагает зятёк по благоустройству участка.

Это была истинная правда. Валерий, как только приехал, план наметил.

– Бать, – это они так договорились, что Валера тестя батей будет звать, – туалет надо благоустроить, пни выкорчевать, участок выровнять.

За пару выходных построил небольшой сарайчик. Всё сам. Евгений у него только на подмоге был: так, подержать что-то или гвоздь-другой забить, чтобы побыстрее работу кончить.

– А ты, Женечка, зятя правильно услышь...

– В каком смысле, Ал?

– Он не тебе помогает, он себе наследство посимпатичнее выгадывает. Вроде как новым хозяином при живом старом хочет стать. Ты и не заметишь, как он за свою помощь просить начнёт: я тебе баню срублю, а ты перепиши на меня участок. Знаем мы таких рукастых и оборотистых! Мы бы с тобою тут вдвоём зажили, делали бы всё, как самим нравится, без всяких посторонних советов. Пусть не спеша, по чуть-чуть, но зато хоть не думали бы, что наше кто-нибудь отнимет.

Евгению бы призадуматься. Не многовато ли у этой дамочки «нашего»? Там, у Ивана, всё «нашим» называет, теперь уже и дом Евгения своим считает. Только Аршинов

поймал себя на другой мысли – прямо подростковость какая-то, ей-богу, – что ему это «нашканье» по отношению к Ивану всё больше кажется раздражающим, а по отношению к нему – тёплым и полным надежд. Права Алевтина, надо детей временно от дачи отлучить, пусть пока не ездят, дадут им вдвоём пожить, без чужой укаски. Слово «чужой» в отношении детей кольнуло на секунду, а потом отпустило – уж больно ласково Алечка ему улыбается...

– Ты же молодой ещё, Жень. У тебя своя жизнь, а у них сейчас дети появятся, начнёшь возиться с внуками – совсем о себе забудешь, погрязнешь в хлопотах.

После ухода Алевтины Евгений за память принимался, готовил издание «дополненное и исправленное». И выходило теперь, что никогда он с Верой счастлив не был, что дочь только и ждёт его смерти, что все Валерины слова – ложь, что дочь и зять втихаря бумаги на подпись готовят, обобрать его хотят, на улицу выгнать – оглянуться не успеет, как и городская квартира, и дом в Заберезье молодым отойдут. Что значит молодым? Он и сам молодой – права Алевтина. Уж лучше вдвоём пожить – права Алевтина. А у «этих» потом дети пойдут – права Алевтина. Она их «этими» называет, и Евгений следом начал. Детей из дома выгнать он не в силах, а каких-то безликих да ещё и коварных «этих» – запросто.

Через неделю после Троицы «эти» все втроём заявили. Светка с мужем и Галька. У неё-то уж точно не поймёшь, что на уме, – права Алевтина. Ездит, ухаживает! А права

Алевтина – Галка глаз на участок положила!

Когда Валера снова какие-то планы по реконструкции и благоустройству участка стал предлагать, Евгений взбесился:

– А не слишком ли много тут у меня хозяев развелось? Ходят, ездят, что-то менять надумали! А вам не приходило в голову, что вы у меня тут в гостях? Нет, не приходило? Так вбейте это себе в головы и помните об этом! И думайте, прежде чем приезжать без приглашения. А то таскаются каждые выходные!

Евгений говорил и говорил. Через него в каждом слове будто струилась, просачивалась, вырывалась бурными потоками Алевтина. Всё, что она говорила, что нашёптывала, чем напивала Евгения – долгие годы, а в последние месяцы особенно. А он, Евгений, освобождал себе пространство для вольной жизни, для новой избранницы. Ведь он и не жил раньше, и счастлив не был, и молод ещё!

– А ты, – он упёр палец в Свету, – уже не папенькина дочка, ты – мужняя жена! Не умеешь ни черта, так ещё и второго прихлебателя на шею мне повесить решила?

Даже Галя притихла и не нашлась, что ответить, хотя обычно за словом в карман не лезла. Редкая ситуация могла заставить её онеметь. Света менялась на глазах: из неё будто сливали прошлое, как чистую прозрачную воду, и заливали настоящее – мутное и чёрное.

– Не папенькина дочка? – уточнила она тихо.

– Да, – выкрикнул Евгений, мигом превратившись из интеллигентного тихони в сварливого старика. Из него тоже будто вырезали всего прежнего Евгения, а в сохранившуюся оболочку побросали кое-как неровными, неаккуратными кусками Алевтину. Был человек – предрассветная дымка, а стал человек – ядовитый туман.

– Прихлебателя? – снова уточнила Света.

– Да, – Евгений ответил чуть тише и уже не так уверенно, словно действие чар ослабело, но уже через миг снова зазвучало у него в голове, как заклинание: «Молод ещё, счастлив не был, оберут, ограбят, по миру пустят...»

– Ты больше мне не отец, – коротко сообщила Света, ровно и блёкло, будто сказала, что кефир в магазине кончился. – Валера, мы уходим. Ноги нашей больше здесь не будет!

Галина ещё некоторое время рассматривала Евгения, словно пыталась связать что-то в голове, но это «что-то» никак не вязалось между собой.

– Может, остаться? – робко предложила она Свете. Видел ли кто-нибудь Галину прежде настолько растерянной? Готов поспорить – нет. Видел ли кто-нибудь Светлану настолько решительной? Снова поспорю – и снова, уверен, окажусь в выигрыше. Валерий пожал плечами, но отправился вслед за женой. Ему не понравилось слово «прихлебатель» и новый облик тестя не показался приятным. Куда девался прежний образец спокойствия и мудрости?

Сам же Евгений считал, что перемены в нём – к лучшему.

«Сколько можно терпеть лентяйку – права Алевтина! И парень этот в Светкиной жизни появился неспроста – права Алевтина...»

* * *

– Вот видишь, Ванечка, а ты говоришь, мои методы плохо работают. Потихоньку надо. По мыслишке, по словечку. Одно вовремя зароненное сомнение способно разрушить любые, даже самые крепкие жизненные устои. Да и таблетки, похоже, своё дело делают. Пора немного увеличить дозу.

– Не рановато? Сначала штампы в паспортах!

– Нет, он должен понять, что никого роднее меня у него на свете не осталось. Женой меня сам захочет сделать и дом подарит. Я для него в болезни стану самой близкой помощницей, можешь мне поверить.

– Ведьма баба, – только и смог выдавить из себя Иван.

* * *

Своё шестидесятилетие в октябре 2013 года Алевтина отметила вдвоём с Евгением в его деревенском доме.

Глава 9

Из наблюдений за Светланой, 2013–2014 годы

Надо сказать, что в жизни с мужем Света выбрала знаковую модель поведения: непрестанно жалеть себя (по причине предательства отца) и кичиться собственным неумением вести хозяйство. Она могла ни с того ни с сего устроить Валере истерику, сквозь слёзы причитать:

– Как он мог со мной так поступить? – это, конечно же, об отце. Заканчивались эти причитания порцией вздохов: – Я никому не нужна... Я неумелая, криворукая, никчёмная. Бросал бы ты меня, Валер... Или любовницу бы завёл... Зачем тебе жена, от которой все отвернулись...

Фамилию в браке Света решила не менять, но сейчас об этом жалела. Стань она Яблоневой вместо Аршиновой, так аж на другой конец алфавита от фамилии отца-предателя убежала бы! Но переделывать документы всё же поленилась.

Первое время Валера вёл себя, как подобает любящему супругу. Внутренняя порядочность заставляла его понимать, что ссора с отцом вышла у Светы в том числе из-за его избыточного стремления к переменам. Хотел как лучше – не получилось, что ж... Может, и правда не стоило брать бразды правления на даче в свои руки? Ясно же, что тесть сам знает,

как и что должно быть у него дома. Возможно, если бы Света не обнаружила в себе так некстати появившуюся гордыню, конфликт удалось бы исчерпать на месте. Выпили бы по рюмочке, обсудили разногласия. Кажется, в какой-то момент и сам Евгений засомневался, что говорит правильные вещи, вот в ту бы минуту и сказать что-то значимое, важное, переломить *ход*, а самое главное – изменить *исход* беседы. Валера умел договариваться, учителя и одноклассники называли его миротворцем, в старших классах он нередко возвращал согласие и лад повздорившим парочкам. И с тестем бы общий язык нашли. Что-то, видно, у того в душе творится новое, ему самому непонятное. Вот и попались зять с дочерью под горячую руку. А что такого-то? Пусть бы даже правила поведения в доме какие-нибудь повесил, не жалко. Соблюсти их не сложно! Что там батя придумать мог бы: не шуметь, много не пить, сараев лишних не строить? В квартире с тремя женщинами и похлеще правила бывали. Сёстры и мать, когда не в духе, правила поверх правил могли насочинять, тут не только за черевичками, какие сама царица носит, убежишь по их поручению, а себя им заживо скормишь, лишь бы угомонились поскорее.

Валера знал даже расписание менструальных циклов матери и обеих сестёр; всегда, придя домой, первым делом пытался понять, не поругался ли кто-нибудь из них с ухажёрами, проявлял чудеса дипломатии, чтобы утраченные связи наладить как можно быстрее, выполнял нехитрые поручения

вроде «сбегай за бутылочкой сухонького» или «чего уж там, неси беленькую». И Валера мчался, лишь бы в семье воцарились тишина и согласие. Правда, иногда случался перебор по части алкоголя, и тогда Валеру ждала трёхголосная опера с нескончаемым количеством актов, но всего с одной арией под названием «Все мужики козлы».

Отца у Валеры не было, поэтому его искренне огорчала размолвка с тестем. Надо отношения возобновить, потому как у безотцовщины в каком-то возрасте непременно должен появиться наставник-мужчина, который объяснит некоторые прописные истины, женщинам априори недоступные и непонятные. Но ясное же дело, что не все мужики на самом деле козлы. А вот когда и почему они окозлятся и как этого окозления не допустить – знает только старший помощник одного с тобой пола (для каждого пола доводы свои). Валера даже подумывал: а не женился ли он так рано именно ради тестя? Дядю Женю он знал ещё со школы. Отличный мужик. Нет, бриться, конечно, учить Валеру не надо, о сексе и методах контрацепции разговаривать – тоже, а вот простой какой-то житейской мудрости у Аршинова почерпнуть можно было.

«Вот и начерпались полной ложкой», – уныло думал Валера.

Образ мудрого советника складывался годами, ещё со школьных времён, и потому никак не хотел рассыпаться на части после одной необъяснимой выходки. Валера пытался

обсудить отцовы странности со Светой, но та лишь картинно прикладывала руки к вискам, падала в театральные обмороки и причитала:

– За что он так с нами?

– Ну давай позвоним и уточним? Может, остыл уже батя!

– Он бросил нас, предал. Ноги нашей больше в Заберезье не будет.

Валера кивал. Стоит ли жалеть о том, чего никогда не было? Рос без отца и дальше проживёт, невелика беда.

Со Светкой всё противоречиво и непонятно: с одной стороны, Валере льстило, что она не простила бате «прихлебателя», оказалась резкой, неприступной, готовой ради мужа лишиться отца. Но за это она теперь, похоже, хочет получать какую-то ежедневную неземную благодарность, которую Валера в себе изыскивать бесконечно не сможет. Было и ещё одно странное ощущение насчёт Светкиных истерик, которое молодой парень тоже не до конца осознавал. Ему их было... мало, истерик этих. Он привык, так сказать, быть слугой нескольких господ: матери и двух сестёр. Возвращаться жить к ним, а тем более вести туда Свету, не хотелось, поэтому подсознание услужливо подкинуло ему простейший выход из положения: нужна ещё одна девушка, которая будет так же, как Света, трепать нервы. Тогда баланс восстановится. Тем более что и Светка всякий раз рекомендует ему завести любовницу. Наверное, наличие тёщи как-нибудь компенсировало бы недостаток пикантности в семейной жизни

– надо полагать, у такой истеричной, взбалмошной доченьки и маменька была – о-го-го!

Но тёщи не было, так что – смотри выше: нужна любовница...

– Прости, Валерочка, я у тебя такая неумелая... Бросал бы ты меня.

Тесть на свадьбе, помнится, извинялся за Светку: мол, прости, зятёк, воспитал белоручку. Избаловал её чрезмерно.

Галя тогда Евгения пожурила:

– Не дело это, дядь Жень, за родню извиняться. Ты растил дочь, а Валера пускай воспитывает жену. Это разные мужские задачи.

Причитаний этих Светиных Галя, само собой, не одобряла. Как-то раз услышала «старую песню для нового слушателя», дождалась, пока Валера уйдёт смотреть телевизор, и налетела на сестру:

– Ты что, с ума сошла? Думаешь, из Валерки второй дядя Женья получится? Будет тебе всё спускать, прощать? Любовницу заведи, ишь! Даже шутить так не вздумай!

О том, что Валера, возможно, уже погуливает или вот-вот начнёт, Галя задумывалась, и не раз. Но для Светы своих мыслей не озвучивала: прямых доказательств у неё не было, собирать их она не намеревалась, а ссорить мужа с женой пустыми подозрениями – дело неблагоприятное.

Мало-помалу Валера всё меньше утешал Свету, не пытался больше опровергнуть нескончаемый самооговор, а всё ча-

ще кивал и соглашался, поэтому, когда любовница в его жизни появилась – и не одна, – угрызения совести не мучили его ни секунды. Он даже так и говорил своим случайным пассивам:

– Жена в курсе, она разрешает и одобряет.

И любовницы попадались что надо, с претензиями, не хуже матери и сестёр брали его в оборот. Конечно, Валера понимал: вернись он домой, расскажи родным, как и что в его жизни творится, – мать и сёстры тут же причислят его к «мужикам-козлам». Ну а как не околдиться, когда жена неумеха и в постели бревно бревном? Про то, что Света ради него с отцом отношения порвала, он уже и забыл.

Валере в двадцать лет, разумеется, не могло быть ясно: совсем даже не ради мужа порвала Света с отцом, а ради себя – любимой и несчастной. Чтобы найти повод для причитаний. История с матерью давно уже стала преданьем старины глубокой, Валера по этому поводу Свету в школе уже «отжалел». Вот она и смекнула, что ссора с отцом даст ей повод для слёз и страданий, а любящий муж будет освобождать её от всей домашней работы, потому что Светочке надо как следует погоревать, побыть наедине со своей трагедией и уединению не должны мешать шум воды и вид немытой посуды, нестираное или неглаженое бельё. Горе должно быть всепоглощающим, а муж – всепрощающим! Но Свете тоже было едва за девятнадцать: просчитать, что молодому парню быстро наскучит роль сиделки, для неё оказалось непосиль-

ной задачей.

Валера между тем уже подумывал не просто о любовницах, а о новой женитьбе. Что-то вроде выгодного обмена: меняю жену с маленькой двушкой на жену с просторной трёшкой. Такая на горизонте как раз замаячила. Объявление могло бы звучать ещё обиднее: меняю недожену на хозяйственную женщину. Трёшка обязательна при любом раскладе. Станет ли он изменять той, следующей, хозяйственной, Валера не думал. Наверное, станет, привык уже. Теперь он даже не оправдывался необходимостью метаться между несколькими женскими настроениями, он просто изменял. Тщательно, со вкусом и в полной уверенности, что Света сама на этом настояла.

– Неумелая я у тебя. Бросай меня... Или заведи любовницу...

– Да, Свет, я уйду, – ответил он однажды, – ты права. Оставайся, живи неумехой дальше сама, а мне другая нужна. За то, что любовниц позволяла, – спасибо, не всякая жена согласится...

– Любовниц позволяла? – вдруг взвилась Света. – Что значит позволяла? У тебя что, была любовница?

– Да, и не одна, ты ж сама талдычила день за днём: «Тебе такая, как я, не подходит, поищи другую». Я и поискал. Перебрал десяток вариантов. Нашёл.

– Ах ты ж, скотина! – Света накинулась на мужа с кулаками. Но Валера только пожал плечами и молча собрал сумку,

выдерживая периодические Светины нападки: попытки порыдать, покричать, ударить его, помириться, затащить в постель – весь этот перемолотый в отвратительную жижу винегрет.

– Пока, – выдавил он, захлопывая дверь.

– Ну и вали! – заорала она через дверь, а потом повела себя более привычным образом: легла на диван, поджала ноги и заскулила, постоянно прокручивая в голове одну и ту же мысль: «Я никчёмная, я никому не нужная, я неумеха, ни один мужчина не захочет со мной жить...»

Мысль эта усиливала ненависть к отцу. Он не заставил, не научил, не помог ей пересилить лень! Позволял капризничать, бездельничать, отлынивать от работы! Потакал её прихотям и в итоге сломал ей жизнь! Говорил, что плохих людей не бывает, а сам оказался первой сволочью!

Так уж, увы, случается, что один благовидный поступок, совершённый человеком, привыкшим делать гадости, ценится порой гораздо больше, чем целая жизнь праведника, однажды оступившегося. Свете, чтобы записать отца в предатели, понадобилось ох как немного.

Глава 10

Из наблюдений за Оладьевыми, лето 2014 года

Алевтина готова была поверить, что влюбилась в Евгения. Он разительно отличался от Ивана, делал истинно дачные романтические сюрпризы: мог нарвать огромный букет ромашек или наполнить горсти лесной земляникой, попросить Алю закрыть глаза и скормить ей эту землянику прямо из ладони.

Алевтина мысленно звала Евгения «санаторием». Реабилитацией после резкого, вспылчивого муженька.

Иван наблюдал за каждым её шагом. Где бы ни находилась, Алевтина всегда чувствовала, что за ней следят: сквозь балки забора или через окно летней кухни, с чердака или с веранды. Тяжёлый взгляд Ивана преследовал её, даже когда она была уверена, что скрыта бревенчатыми стенами. Ещё бы: развод фиктивный – и брак с Евгением должен быть фиктивным! Всё быстро и просто: разводимся, откармливаем соседа таблетками, а дальше ждём, пока умрёт. Потом – наследство и повторный брак с Иваном. Всё строго по плану!

Таблеток должно хватить. У Алевтины недавно от онкологии умерла тётушка. После её смерти осталось достаточ-

но «Метрокса»¹. Тётушке вместо необходимого препарата скармливался глюконат кальция – благо по цвету и размеру таблетки было не отличить. А исходное содержимое выданной в диспансере банки Алевтина ссыпала в другой пuzырёк. Выбросить лекарственное средство рука не поднималась – авось ещё зачем-нибудь сгодится. Тем более что был у «Метрокса» очень полезный побочный эффект: у людей, не имеющих онкологического заболевания, он мог спровоцировать рост опухоли. На семейном совете было постановлено угостить Евгения таблетками именно с этой целью. Самостоятельно молодой и не жалующийся на здоровье сосед отправиться в мир иной соберётся, вероятно, ещё не скоро, а использовать какие-нибудь другие яды опасно, да и взять их неоткуда.

Развод – замужество – наследство – замужество. Отличная схема. Деталька к детальке. Кирпичик к кирпичику. Из которых в итоге складывалось новое всемогущество, которое опять оказалось с дефектом.

Алевтина с садистским наслаждением издевалась над Иваном – это было её своеобразной мстью за бесконечный надзор. Она дразнила его через забор, как тупого злобного пса, бросающегося на каждого, кто замахнётся палкой или попытается утащить из-под его носа сочный недогрызенный мосол. Иван был собственником, он давно охладел к Алевтине, а может, никогда и не пылал, но всё же несколько раз

¹ Название и действие препарата придуманы автором.

словесно подчеркнул, что достоверность в новом браке ей надлежит соблюдать с оглядкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.